

Аполлон Шпаковский

ЗАПИСКИ СТАРОГО КАЗАКА

Пластуны
на Лабинской линии

Аполлон Шпаковский

**Записки старого казака.
Пластуны на Лабинской линии**

Православное издательство "Сатись"

2014

Шпаковский А.

Записки старого казака. Пластуны на Лабинской линии /
А. Шпаковский — Православное издательство "Сатись", 2014

ISBN 978-5-7868-0111-9

В «Записках старого казака», уникальных мемуарах офицера-пластуна А. Шпаковского рассказывается о славной и героической эпохе Кавказской войны, а именно, о возникновении и становлении Лабинской линии, о боевых действиях против черкесов. Рельефно и сочно описаны действующие лица как с нашей, так и с враждебной нам стороны. Автор — участник множества боев и стычек с горцами, штурмов аулов и разведывательных рейдов в глубину вражеских земель.

ISBN 978-5-7868-0111-9

© Шпаковский А., 2014
© Православное издательство
"Сатись", 2014

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I.	7
Глава II.	9
Глава III.	11
Глава IV.	13
Глава V.	16
Глава VI.	19
Глава VII.	22
Глава VIII.	24
Глава IX.	30
Глава X.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Аполлон Шпаковский

Записки старого казака

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около двадцати лет, по воле судьбы, мне пришлось прослужить в рядах Кавказского линейного казачьего войска, в сословие которого я был зачислен, по особому Высочайшему повелению, навсегда с потомством. Я начал боевое свое поприще в конной № 14 казачьей батарее, урядником.

Много привелось мне в этот период времени видеть, испытать и перенести на Кавказе боевой, тогда тяжелой и тревожной службе, переходя со своим взводом из одного отряда в другой, то в большой и в малой Кабарде, то в обеих Чечнях, на лезгинской линии, или в северном и в южном Дагестане, наконец, на правом фланге, за Кубанью, на передовой Лабинской линии. Во 2-й войсковой бригаде, в которой я водворился на жительство, мне пришлось нести должности то станичного атамана, то командира сотен, конно-ракетных команд и пластунов; был я и воинским начальником, и заседателем полкового правления; всего же долее находился в должности адъютанта управлений начальника Лабинской линии и командира 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска.

Начав службу урядником, мне пришлось ознакомиться не поверхностно, а вполне с жизнью и бытом линейного казака. Пришлось волей-неволей примениться к новым порядкам и освоиться со строем общественной войсковой жизни; одним словом, пришлось быть вполне казаком.

При поступлении на службу мне было 18–19 лет, а в этом возрасте человек без большого труда переменяет ту обстановку, в которой он рос и воспитывался, на совершенно новую и более суровую, поэтому мне не было особенно трудно из гардемарина превратиться в гусарского юнкера, и затем в истого казака.

Живя теперь семейным, мирным гражданином, частенько переносюсь мысленно в прошлое былое, невозвратное, в котором было немало прекрасного и обаятельного, грустного, тревожного и подчас страшного. Вспоминаю лихих начальников и товарищей, преждевременно отправленных пулей, кинжалом или шашкой горца в лоно Авраама, их славные боевые подвиги, в которых не раз приходилась и для меня доля, и частенько раздумываю о завидной смерти не от горячки, лихорадки или старческой немощи. Но время идет, изглаживая в памяти много славных, доблестных дел и отдельных эпизодов из подвигов линейцев, совершенных до покорения Кавказа.

Случай позволил мне быть очевидцем или соучастником многих таких подвигов и эпизодов и, как живая легенда, я постараюсь правдиво, не мудрствуя, передать, как сумею, на память родным и друзьям, о нашем кавказском былом.

Теперь я жалею, что не вел дневника (впрочем, тогда это дело было почти невозможное); потому в рассказе я не буду придерживаться хронологического порядка, а буду говорить, как придется вспомнить, сохраняя, по возможности, имена личностей и мест, где, что и как случилось.

Чтобы выяснить то положение и состояние Лабинской линии, в котором она находилась в период со своего основания до конца пятидесятих годов, необходимо сказать, насколько припомню, о тогдашнем делении военных границ Кавказа.

Кавказ делился на три главные части: правый и левый фланги и центр.

Правый фланг начинался от станицы Васюринской, границы Черноморского войска, шел через станицу Усть-Лабинскую (1-й Кавказской бригады), при устье реки Лабы, затем вверх

по ее течению, берущему начало в ледниках двуглавого исполина кавказского хребта Эльбруса, или Шат-горы, и охватывал пространство до Георгиевска (*Кавказские минеральные воды, Пятигорск, Эсентуки, Железноводск и Кисловодск, составляли свою кордонную линию и относились уже более к центру.*). Центр заключал в себе обе Кабарды, часть Военно-Грузинской дороги, обе Чечни и поворачивал на город Моздок, от которого до Каспийского моря, по рекам Тереку, Сунже, и Сулаку, простирался левый фланг.

Все эти три отдела совмещали в себе, станицы, посты, укрепления и крепости, пограничные с землями непокорных горских племен. Дагестан же и Закавказье составляли особые отделы.

Так как большая часть записок моих будет относиться к правому флангу, то нелишним считаю ознакомить читателей с бывшею Лабинской линиею и с прежним ее значением, как главного, передового пункта, подвергавшегося частым вторжениям хищников и служившего сборным местом отрядов, назначавшихся для наказания их.

До 1841 года за Кубанью было лишь несколько укреплений и постов, по рекам Уруп, Чамлыку, Окарту, Тегеням и Большому Зеленчугу. Эти передовые пункты, по своей раскинутости и незначительности гарнизона, мало приносили пользы, и партии, минуя их, прорывались за Кубань для грабежа.

Обстоятельство это вызвало необходимость занять реку Лабу населением станиц, как более сильным и крепким оплотом. Сделать это заселение было поручено начальнику кубанской линии, генералу Зассу, который, произведя рекогносцировку для определения пунктов более удобных как в климатическом, так и стратегическом отношениях, поручил в том же году адъютанту своему, ротмистру П. А. Волкову, водворить на новой линии четыре станицы, построить между ними посты и сформировать Лабинский казачий полк. Для населения станиц вызывались охотники, назначались по жребию и высылались люди буйные и сектаторы из всех казачьих войск, тогда населявших Кавказ.

Размещение первых станиц – Урупской, Вознесенской, Чамлыкской и Лабинской – промежуточными постами и укреплениями в шахматном порядке, на реках Уруп, Чамлык и Лабе, принесло большую пользу впоследствии и оказалось лучшею мерою, как для взаимной поддержки, так и для отстранения вторжений хищников в наши пределы.

С 1841 по 1858 год населено было более 25 станиц, и сформирована из них 2-я Лабинская бригада, в составе трех конных полков и одного пешего батальона. Укрепления с постами заняли не только реку Белую, впадающую в Кубань, но перешли за нее к Черным горам, а берега рек Окарта, обеих Тегеней и других, заселились станицами. Состав жителей, водворенных на линии и слившихся в одно целое, был очень разнообразен; надо было много усилий и воли для того, чтобы устроить и удержать эту массу, состоявшую из старых кавказских сектаторов, персидских выходцев, татар, армян, грузинов, малороссиян, донцов и разного люда со всей матушки-России. Постоянное ожидание тревоги и стычки с неприятелем выработали из этой массы воинственно-удалое, стойкое и храброе население.

Лабинская линия, начиная от станицы Усть-Лабинской, шла вверх по Лабе на расстоянии более 300 верст и замыкалась почти перпендикулярно зеленчугской линией, заключавшейся в трех укреплениях: Надеждинском, Бельширском и Зеленчугском. Пространство за этими линиями, до снежного хребта, занимали горские племена: карачаевцы, дженгет и даур габлы, баговцы, тамовцы, беглые кабардинцы, бесленеевцы, махосевцы, темиргоевцы, натухаевцы, абадзехи и другие, более малочисленные, тянувшиеся к перевалу за хребет на восточный берег Черного Моря, к сильным племенам убыхов и шапсугов.

Глава I.

ПЛАСТУНЫ: УРЯДНИКИ ДЕМАНОВ И ЗИМОВИН И КАЗАК КОРОТКОВ

(Пластун, производное слово от пласт – лежать пластом.)

Черноморское казачье войско, образовавшееся из остатков Запорожской Сечи и части присоединившихся к ним некрасовцев, сохранило много прежних своих учреждений и обычаев.

В составе войска рельефно выдается пластун. Эта личность могла сформироваться и выработаться именно в то только время, когда казачеству, окруженному со всех сторон врагами, приходилось быть всегда настороже. Пластуны, сформировавшись в команды или товарищества, были твердым оплотом против внезапных покушений и хитрости неприятеля.

Пластун Сечи, изменяя наименование запорожца на черноморца, не изменился в своем характере: как на порогах Днепра, так и на Кубани он та же личность, только с новой обстановкой. С учреждением Лабинской линии, была сформирована на ней и особая команда пластунов, не по назначению, а из охотников, которым впоследствии предоставлено было право избирать в свой состав товарищей из строевых и нестроевых казаков. Для поощрения им предоставлялась, по призовому праву, вся добыча в личную собственность. На линии было более сотни пластунов. В обязанность им вменялось охранение границ от внезапных вторжений легких партий, разведывание намерений горцев, осмотр и изучение местности и дорог, так чтобы они могли быть верными проводниками нашим отрядам: это были главные обязанности пластуна; затем вредить хищникам и истреблять их насколько хватит сил, возможности и умения, о чем, впрочем, напоминать ему не было нужды.

Эта охота за людьми привилась вполне к подготовленной натуре казака и обратилась в страсть.

Пластуны отправлялись в горы больше пешие, чем конные, и редко вместе более 5–6 человек. Случалось, и не раз, что пластун пропадал по месяцу и более, исключался без вести пропавшим и вдруг являлся цел и невредим с добычей. На спрос: «где пропадал?» всегда один ответ: «да у татарвы», а что делал, это уже его тайна, да того, с кем он тягался насмерть.

Триумвират таких друзей, Деманов, Зимовин и Коротков, отправились, осенью в сорок шестом году, к вершинам Лабы, конными. С неделю дела их шли удачно, но как молодцы ни хитрили, следы их были открыты, и человек 30 горцев окружили их близ Черных гор. С полудня до ночи хлопцы отбивались, пользуясь превосходной позицией; на помощь рассчитывать не приходилось – и волей-неволей нужно было что-нибудь придумать; к тому же у двоих кони были убиты. Думали крепкую думу друзья; но куда ни кинь, так клин – и вот, наконец, решили: оставили коней с перерубленными шеями, чтоб не достался татарве, и, пользуясь темнотою, свернули бурки, надели на них папахи и усадили чучел к разведенному костру; сами же как тати сползли в ущелье и бродом по ручью пробрались между стерегшими их горцами. Дело было отважное и трудное, но вполне удалось.

Отойдя верст с десяток, друзья неожиданно наткнулись на конный табун голов в полсотню, стерегомый двумя горцами. Подкрасться и покончить с сторожами было нетрудно, так как оба они спали, и проснулись уже прямо в раю Магомета, куда отправили их кинжалы друзей-охотников до поживы. На другой день к вечеру, без особых приключений, табун был пригнан в станицу.

Утром начался торг конями – и за ведро, много за два, водки, можно было выменять трех или четырех лошадей. Из этого можно заключить, какую ценность имела водка, и какую пропорцию относительно ее составляла опасность, да и самая жизнь для пластуна.

Перепившись и, как водится, наткнувшись по-приятельски по нескольку раз на дружный кулак, помирившись и снова подравшись, друзья, дня через три или четыре, опять отправились в горы на новую опасность и за новой добычей. Мы не раз еще встретимся с этими оригинальными личностями, составившими себе имя и известность как у своих, так и у горцев своими подвигами.

Глава II. ПРИКАЗНЫЙ ЛЕДОВСКОЙ

Дежурство, т. е. личный конвой начальника линии и командира 2-й бригады состоял из ста казаков 1-го, 2-го и 3-го конных Лабинских полков. Эта команда находилась почти бес-сменно в штабной Лабинской станице; людей из нее отпускали на побывки в свои станицы только частями. В начале пятидесятых годов, осенью, пять казаков 2-го Лабинского полка 6-й сотни, станицы Константиновской, с приказным Ледовским, были отпущены на несколько дней из конвоя домой. Пробыв там дозволенное время и, как водится, угостившись на прощанье, они, в веселом расположении выехали из станицы перед вечером, рассчитывая добраться до Лабинской не совсем поздно, так как от реки Чамлыка, на которой стоит их станица, по прямой дороге приходилось проехать какие-нибудь 18 верст. До выезда их в станице не было получасу ни цыдул (*Цыдула – известие, посылаемое с нарочными по всей линии о принятии меры осторожности, о прекращении сообщений, кроме конных, между станицами, а также полевых работ. Открытое предписание было разрешение всего, что воспрещалось цыдулой.*), извещающих о сборе или вторжении хищников для набега, ни сведений от пластунов о том же, а потому ехали они спуская рукава. Казак, подгулявший более других, вздумал даже поджигитовать, т. е. показать свою наездническую удаль: выхватил из чехла винтовку, намереваясь стрелять; но Ледовской, зная, что за фальшивую тревогу плоха разделка, как старший распорядился отнять оружие и связать руки несвоевременно разжигитовавшемуся дурню. Таким образом они доехали благополучно до кургана, верстах в трех от станицы Лабинской, где был постоянно дневной пикет, который уже съехал, но секреты еще не залегли. В это время из опушки леса над Лабой, откуда нельзя было ожидать своих, показались одновременно три партии человек по десяти и более, быстро несшихся и старавшихся окружить казаков, причем один горец так опередил товарищей, что почти налетел на команду, но поплатился за то жизнью: подгулявший джигит-казак, которому, при виде опасности, развязали руки и отдали винтовку, ловким выстрелом ссадил его с коня. В этот же момент остальные линейцы быстро спешили около убитого, сбатовали коней и, составя таким образом живую ограду, положили на седла винтовки и условились стрелять не разом, а через ружье, и стрелять только почти в упор, так как быстро наступавшая темнота не давала возможности целить в даль. Вероятно, боязнь произвести тревогу в станице удержала хищников сделать залп, а вслед затем броситься, по обыкновению, в шашки. Надеясь на свою численность, они окружили казаков и, как было видно, начали совещаться; затем несколько человек, спешась, начали подползать; но казаки не дремали: винтовки на седлах противу конных, винтовки севших на землю промеж коней для ползунов, держали горцев на благородном расстоянии. Казаки, зная по опыту, что заряд в дуле то же что голова на плечах, не открывали огня. Разбойничья натура не выдержала: горцы, выстрелив, бросились в шашки, но меткие выстрелы положили трех. Выстрелы эти, за сильным ветром дувшим от станицы, не были ясно услышаны часовым на вышке (*Вышка есть крытая на столбах беседка, высота которой, смотря по местности, бывает более 40 аршин. Вышка имеет для входа лестницу, и во время тревоги на флажтоке часовым, после выстрела из ружья, выкидывается днем флаг, а ночью красный фонарь.*); сверканье же их казак считал за огоньки на горевших кучах навоза, который, как ни к чему непригодный, у нас вывозится и сожигается за станицей. Несколько раз возобновляли горцы по частям нападения, но безуспешно, платя всякий раз жизнью или раной товарища. Убитые лошади казаков составили бруствер, из-за которого линейцы производили верный и меткий огонь. Видя упорство казаков, которые как будто были заколдованы от пуль, горцы сделали залп и бросились в шашки всею уже массой. Этот звук, более ясный, и постоянное сверканье огня на одном и том же месте

заставили вышкового поднять тревогу: сверкнул выстрел, и едва затих его гул, как поднятый красный фонарь на флагштоке вышки встрепенул станичников. Между тем молодцам нашим приходилось уже плохо; но в это время орудийный выстрел с станичной батареи и осветившаяся местность от факелов несущейся дежурной сотни заставили разбойников спасаться врассыпную. Команды, выскакавшие на тревогу, бросились преследовать бегущих, стараясь сбить их на те броды, где были секреты и натянутые тенетные путы (*Путы эти состояли из длинных веревок, скрученных из лык, привязывались в несколько рядов по деревьям, между которыми вилась дорожка к броду, на разной высоте, и оставались на земле до тревоги или переправы неприятеля на нашу сторону; тогда они подымались и привязывались туго секретными к противоположным деревьям, что составляло в несколько рядов барьеры. Неприятель, особенно в темноте, налетал на них и падал с конем.*).

Дело вполне удалось, и 23 тела остались в наших руках. Казаки, выдержавшие более часа далеко неравный бой, были все поранены, так что каждый имел от трех до семи ран.

За этот подвиг приказный Ледовской произведен в урядники, а товарищи его получили награды по 5 рублей. Они все выздоровели, и один только не мог поступить в строй: так его покалечили. Долго горцы дивились, передавая друг другу эту схватку, и, по своему верованию в заговоры, не хотели допустить мысли, чтобы казаки перераненные так долго держались. Название «шайтан-казук», то есть «чорт-казак», было самым лестным прозвищем Ледовского и товарищей.

Глава III. КАЗАЧКА СЕРДЮКОВА

Анна Сердюкова была девка лет 16, рослая, стройная, красивая, и не один станичник и наш брат-благородье засматривались на черные огненные ее очи и роскошную русую косу; но строгий суровый казак-отец держал ее, как говорится, в ежовых рукавицах, так что баловаться не приходилось, несмотря на вообще далеко не строгую нравственность станичного прекрасного пола. Подвиг, совершенный Анной, выходит из ряда обыкновенных и рельефно выставляет те условия, среди которых вырабатывались характеры, вращалась жизнь и воспитание казачества. Осенью, в сороковых годах, в праздничный день, вечером, Анна, с братом своим, мальчуганом лет одиннадцати, отправилась за станицу на свой огород, крайний к Лабе, и, как следует доброй хозяйке, до того углубилась в уборку овощей, что только крик брата заставил ее оглянуться, и можно представить ужас девки, когда она увидела пятерых горцев, бежавших к ней. Страх отнял язык; но ноги еще не изменили и она бросилась бежать по хайвану (*Хайван – главная дорожка в виноградных садах и огородах, которые, быв обнесены плетнем из хвороста, имеют всегда густо наложенный терновник наверху, в защиту от воришек, и, служа своего рода укреплениями, не раз спасали жизнь.*) к калитке, между тем как казаченок со своим ружьем, забившись в кусты под забором, выглядывал сурком на эволюции сестры и джигитов, боясь не только выстрелить, но и крикнуть.

Ужас окрылил Анну: она не бежала, а летела, и хищник, ближе за ней гнавшийся, боясь поднять тревогу и упустить лакомую добычу, на бегу бросил кинжал в свою жертву; но судьба не дала ей погибнуть: кинжал, пролетев с боку, воткнулся далеко впереди Анны. Приостановясь инстинктивно, она схватила упавший кинжал, держа его острием назад. В это время горец набежал и охватил ее, но, каким случаем, она сама не помнит, кинжал прошел на вылет через живот хищника, повалившегося вместе с ней. Страх придал силы вырваться из этих далеко немилых объятий, но сбил с толку, и Анна бросилась не к калитке, а на забор, и, ухватясь за него руками, хотела перескочить... В этот момент, другой набежавший горец шашкой рассек ей зад (хотя и не глубоко). Боль и страх ошеломили бедняжку... она опомнилась уже за Лабой, сидя за седлом, привязанная ремнем к поясу всадника. Их было пятеро, убитого же везли перекинутым через седло. Отъехав на значительное расстояние от Лабы, горцы остановились на ночлег, развели костер и...

Заполночь горцы улеглись спать, и так были уверены в своей безопасности, считая себя уже дома, что не только не связали пленницы, но даже не очередились караулом: эта-та оплошность спасла Анну, лежавшую возле жоака.

Великолепная кавказская ночь, озаренная полной луной и окружающая тишина, нарушаемая только сильным храпом джигитов, успокоили душевное волнение пленницы. Невзирая на физическое изнеможение, она тихо приподнялась, с намерением бежать; страх быть настигнутой дал ей решимость: придерживая одной рукой ножны, казачка вынула кинжал у жоака и мгновенно всадила ему в горло. Горец не успел даже пикнуть, так был силен и ловок удар.

Вид крови ошелолил и обезумил девку: она схватила шашку и пистолет убитого и принялась рубить спавших, прежде, чем они пришли в себя и поняли в чем дело, еще трое поплавились жизнью. Последний успевший вскочить на ноги, видя кровь и убитых товарищей, под влиянием панического страха, так потерялся, что бросился, как угорелый бежать, но остервенившаяся Анна погналась за ним, и выстрел положил и его на месте.

Не раздумывая долго, Анна обобрала, по обычаю горцев и казачества, оружие и одежду с убитых, переловила стреноженных коней, побатовала их и, навьючив их трофеями своей победы и мести, утром добралась до Лабы, выше станицы верстах в семи или восьми. И не

странно ли, что, совершив уже столько, она не решилась переплыть Лабу, так ей страшна показалась переправа через ревущую и летящую стрелой реку. С противоположного берега пикет увидел татарина с конями (Анна переделась и вооружилась горцем), и полагая встретить мирного или бежавшего от своих горца, переправился и доставил казачку с трофеями в станицу.

Недолго хворала Анна в госпитале, хотя следы остались навсегда. Вскоре появилась она снова между станичниками, такая же бойкая и говорливая, как была прежде. Золотая медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пенсион в 50 рублей серебром и золотой браслет – подарок главнокомандующего, князя Воронцова, были наградами ее необыкновенного подвига.

Глава IV. УРЯДНИК ПОДРЕЗОВ

Самая личность Подрезова была уже замечательна: высокий, широкоплечий, стройный детина с геркулесовской силой, с бородой по пояс, с сверкающими плутовскими глазами и сатанинской улыбкой, не сходявшей с губ, невольно внушал почтение горцам, ценившим выше всего силу, отвагу и плутовство на все руки, а этими великолепными качествами Подрезов обладал вполне. Давно уже он произведен в офицеры, но имя, данное уряднику, «Гришка Отрепьев», осталось за ним. Закоснелый раскольник по вере, он был далеко не безукоризнен в своих деяниях: обмануть, надуть – лишь бы от этого была какая-нибудь личная польза – составляли девиз молодца. Но нередко и в этой мрачной трущобе проявлялись светлые точки рыцарства, великодушия и даже честности, хотя и на свой лад.

В первые годы населения линии, во время весенней пахоты, горцы, вопреки своего обыкновения тревожить казаков сборами партий в разных пунктах, как бы затихли. Эта ложная тишина если не совсем обманула, то успокоила тогда еще не осмотревшуюся горсть станичников, и расчет хищников, казалось, был верен: они хотели обмануть и усыпить бдительность тишиной, потом напасть на несколько пунктов разом и разъединить и без того незначительные силы к обороне. Вышло, однако, не так: лабинцы доказали, что не посрамят старого казачества. Партия хищников, до тысячи человек, неожиданно напала на плуги пахавших жителей станицы Лабинской, тогда как другие сильные партии угрожали станице Вознесенской (*Надо заметить, что горцы правого фланга, как более зажиточные, никогда не собирались в набег пешие, разве какой-нибудь шальной «бей-гуш», т. е. бедняк, пускался очертя голову. Дрались вообще более стойко и отважно, нежели чеченцы, мечиковцы, тавлинцы и лезгины, как на открытой, так и на лесистой и пересеченной местности, и по шавдонам, т. е. болотам, что можно отнести к исправному вооружению и доброму коню, и к более или менее сытому желудку. Самое управление их не было так деспотично, как управление Шамиля: князя, и впоследствии шейх Амин-Магомет, пользовались только влиянием на умы, а не на благосостояние горцев, и последние не обязаны были кормить пришлецов, как чеченцы, дагестанцев – мюридов Шамиля.*). Завязался одиночный, отчаянный бой и две местные сотни, несмотря на бешеную храбрость, были подавлены численностью неприятеля: прежде чем пехота подросла в дело, много уже было побито и захвачено в плен (по большей части женщин и детей). Среди этой свалки, Подрезов дрался как сущий черт, и его пример увлекал не одного; но все усилия оставались тщетны и наши лишились человек с полсотни, хотя и горцы, в свою очередь, понесли значительную потерю. Захватив добычу, стали они отступать, гоня скот и несколько пленников, под прикрытием лучших своих джигитов. Наш Гриша не выдержал: надел папах на винтовку и, подняв ее, махнул над головой в знак вызова на единоборство (*Этот маневр всегда употреблялся охотниками подражаться с обеих сторон, подобно тому, как рыцари бросали перчатки.*); навстречу ему выскакал джигит – как теперь вижу, в белом папахе, белом чекмене и на белом коне (*Абреки и джигиты, как давшие зарок ничего не страшиться, имели по преимуществу белую одежду и коня, чтобы и ночью быть более заметными.*). Быстро слетелись враги, сверкнули выстрелы и оба коня грянули наземь. Вскочили на ноги противники, бросились друг на друга с шашками, но, по незнанию правил фехтования, рубка с плеча не могла долго длиться: шашка Подрезова разлетелась в куски, а у горца вылетела из рук. Одно только мгновение стояли ошеломленные враги и, как бы сговорясь, бросились друга на друга. Вой с обеих сторон, казалось, притих; внимание всех сосредоточилось на борющихся – и, поистине, было чем любоваться. Сила была на стороне Подрезова, ловкость на стороне горца. Несколько мгновений они крутились по земле, и то тот, то другой был наверху – и все втихомолку; наконец Подрезов, окровавленный,

поднялся на ноги с кинжалом по рукоять в боку; горец же не поднялся. Раздался с обеих сторон гик (*Ги, гик, пронзительный звук, заменяющий ура, употреблялся и нашими, и горцами.*), закипела борьба за тело горца (*Тела горцы стараются привести домой семейству убитого, а иначе аульные кунаки, т. е. товарищи-друзья, обязаны содержать до возраста семейство, убитого: это адат, т. е. старинный обычай; вот причина, почему горец нередко сам скорей ляжет мертвым, чем оставит тело в руках врага.*), задавленного руками Подрезова, который, в это время, отошел назад, осторожно вынул кинжал, захватил лапами бешмета раны и, шатаясь, поплелся в станицу. Придя к нашему медику Золотареву, Подрезов упросил перевязать рану на дому, не соглашаясь никак лечь в госпиталь. Раны были зашиты и забинтованы. Подрезов успел-таки у экономки доктора выпросить стакан водки и, вместо того чтобы лечь в постель, поймал шлявшуюся по станице лошадь убитого казака, сел на нее и, выскакав за станицу, примкнул к своим, верст за семь от станицы перестреливавшимся с горцами. Горцы думали уже торжествовать удачный набег, но горько разочаровались. Все резервы укреплений, постов и станиц Чамлыкской и Урупской линии, переправясь ниже места боя за Лабу, и следуя один за другим по сакме (*Сакма – след на траве или песке, по которому всякий почти казак скажет, наверное, сколько коней или людей прошло и давно ли.*), пробрались незамеченными наперерез неприятеля, залегли на пересеченной местности и дружным ударом отбили скот, пленных и жестоко отплатили за смерть товарищей: более 30 тел было притащено в станицу.

Примкнув к своим, как уже сказано, Подрезов ухитрился выстрелом убить еще горца, поймал его лошадь и тогда уже, изнеможенный и растревоживший раны, этот дуб повалился с коня. Через два с небольшим месяца Подрезов выписался из госпиталя и опять был на коне, как будто ничего и не случилось особенного, кроме получения Георгиевского креста, которым был награжден за это дело.

В том же году, в декабре, в сильную метель, как лучшую помощницу для набега, Подрезову приказано было отправиться, с десятком пластунов, за реку Белую для пригона высмотренного у махошевцев конного табуна, голов в 500; для охранения, при возвращении с табуном команды, было выслано по две сотни казаков на реки Чахрак, Ходз и Псефир и три сотни со взводом конной артиллерии и конно-ракетной командой на реку Белую. Почти перед светом, отряд, пройдя до 80 верст, по «одометру» (*Почти у всех орудий на Кавказе к колесу прикреплялся одометр, аппарат, определяющий оборотом колеса пройденное пространство.*), остановился в лесу, на правом берегу Белой. Под прикрытием с берега, Подрезов, с пластунами и с несколькими казаками, переправился за Белую, несмотря на сильно шедший по реке лед. Долго шли пластуны по приметам, но, буквально ослепляемые метелью, сбились с пути, и только случай наткнул их неожиданно на другой табун, голов в двести. Посоветовавшись между собою что делать, решили захватить, хотя эту добычу. При обходе табуна, они наткнулись на пятерых спавших в кустах табунщиков. Вмиг четверых не стало, но пятый успел ускользнуть в чащу леса и поднял своим криком и выстрелами тревогу. Это обстоятельство заставило казаков поторопиться: быстро обежав табун скученный непогодой, накинув наудачу арканы и надев взятые с собой уздечки, они повскакали на коней. Казачья натура живо узнает достоинство скакуна – и вот один пластун пустился вскачь к Белой; несколько выстрелов и гик шарахнули испуганный табун, а он понесся, как ураган, за скакавшим впереди, подгоняемый криком и выстрелами скакавших по бокам и сзади. Белая, видная со взгорья, уже сверкала близко; но недалеко неслись и сторожевые из аула горцы: надо было позадержать их, и для того Подрезов сам-пят повернули коней навстречу. Горцы, ослепляемые метелью прямо в лицо и озадаченные несколькими удачными выстрелами, не зная силы врага, остановились; этого только и было нужно: табун с раскоку ринулся за вожакom прямо с кручи, и страшная пена от взбрызг бешеной реки точно пыль поднялась и закрыла берег. Еще полчаса – и кони пронеслись, минуя отряд, как бешеные, прядая, фыркая и обгоняя друг друга, преследуемые гиком и выстрелами казаков, заменивших пластунов. Вместе с ними и Подрезов, несмотря на принятую ванну в Белой, продолжал охра-

нять табун, до самой станицы скача без седла. Метель с рассветом поунялась и летучий отряд не торопясь отступал от Белой, изредка посылая гранату, ядро или ракету собиравшимся со всех сторон горцам. Соединившись с сотнями на бродах Псефира и Ходза, казаки на Чахраке вдруг перешли из отступного в наступательный порядок, и быстрой атакой отбросили гнавшихся в пустой след табуна горцев. К закату солнца отряд возвратился в станицу с незначительной потерей. Из 170 отбитых коней, за наделом пластунов и частей отряда, а также за заменой выбывших из строя в набеге, 70 штук было отправлено в барантовую комиссию (*В крепости Прочный Окоп, при штабе начальника фланга, была учреждена барантовая комиссия, распорядившаяся продажей отбитого у горцев скота.*).

Подрезов с товарищами, получив свой пай, крепко сердились на метель сбившую их с пути к большому табуну, [ускользнувшему от рук по ее милости. Да оно и логично: опасность ведь та же, а добыча была бы вдвое.

Глава V. НАБЕГ

Начальник фланга, генерал Ковалевский, в 1847 году сосредоточил значительный отряд, для наказания горцев, в станице Некрасовской (*Некрасовская станица поселена в семи верстах от Усть-Лабинской, близ бывшего укрепленного стана некрасовцев, остатки которого еще сохранились: видны раскаты, батареи, потерны, ров и вал.*). Я, с пятьюдесятью пластунами, был послан вперед, разведать и высмотреть, где и как было бы удобнее нанести более вреда.

Отправясь с вечера, мы наткнулись на горские коши: блеяние овец и мычанье рогатого скота удостоверили нас в огромном их количестве. Оставя наблюдать за кошами пятерых и послав в станицу двух, мы пошли дальше к долинам Черных гор, как главному центру населения, и, чтобы скрыть свою сакму, высмотреть большее пространство, а также сбить с толку неприятеля, разделились на партии от 3–6 человек, условясь сойтись на месте нашего разделения. С собой я взял троих и, несмотря на свое командирство, охотно подчинился опытности пластуна Мандруйки. Первые лучи солнца, показавшиеся из-за гор, осветили нас на кладбище (*Большая часть азиатских кладбищ расположены на высотах или на отдельных курганах; памятники из грубо-обделанного камня становятся торчмя; сверх того, над убитыми в делах ставятся шесты вроде значков и бунчуков.*). По совету Мандруйки, чтобы лучше высмотреть окрестности аула, я пополз со всеми предосторожностями на вершину и уже хотел подняться из-за камня на ноги, как встретился лицом к лицу с горцем, не менее меня удивленным и озадаченным. Зная по опыту, что «який-сь не схоменувся, тий пропаде, як бисова католицка вира, та ще и га», (*В переводе: кто не спохватится вовремя, тот пропадет, как католик, да еще и хуже.*) это не раз говорил незабвенный мой наставник в пластунстве и верный преданный слуга в доме, Мандруйко, я быстро вскочил на ноги и ударом шашки раздробил башку своему партнеру в игру на жизнь и смерть. Забрав оружие убитого, и высмотрев местность, я присоединился к товарищам, возвратившимся к кладбищу со своих более или менее удачных рекогносцировок.

Поговора и посоветовавшись, мы уже думали пробраться лесом и за доброго ума возвратиться к своим на сборный пункт, как вдруг услышали вдали за собой орудийные выстрелы и ружейную перепалку. Раздумывать было нечего, да и плохо было оставаться на встревоженной местности; мы пустились вперегонку, прислушиваясь к выстрелам нашего отряда, и, пробежав по лесной трущобе, высунув языки не хуже гончих, верст 5–6, попали в самую жаркую свалку в ауле, занятом уже нашими. Кругом горящие копны сена и хлебов, зарево и глухая частая пальба с аккомпанементом орудий, сказали сами за себя об участи аулов и кошей, осмотренных по пути пластунами, которые стали вожаками частям отряда посланным для истребления. Отбившись от своих товарищей, я забрался в старую башню или отслуживший минарет и, стоя на лестнице, принялся постреливать из своей пластунской нарезной двустволки по выбегавшим из горевших саклей горцам.

Охота эта надоела мне, однако, да и пора была убраться: аул уже почти весь пылал. Только что я начал спускаться по спиральной искалеченной лесенке, как увидел гололобого оборванца, прицелившего снизу в меня винтовку и готового спустить курок, как только появится моя особа в более удобной позе. Дело было дрянь, но, вспомнив уловки Мандруйки, я не потерялся и, подавшись немного назад, с размаху прыгнул прямо на голову горца, ждавшего меня на извороте лесенки. По совести скажу, что этот сальто-мортале совершен был мною далеко не по расчету, а безотчетно, инстинктивно, в виду неизбежной гибели. Горец, не ожидавший такой нахлобучки, полетел стремглав вместе со мной считать ступеньки и растянулся на полу без чувств. Опомнившись и осмотревшись, поблагодаря Бога, что не вывихнул ничего

и не переломал костей, я махнул кинжалом по горлу своего противника, не тронув оружия, опрометью выбежал из этой чертовой обсерватории, и скоро наткнулся на Мандруйку, искавшего меня. Хотя мне было далеко не до смеха, но я не мог удержаться, увидев эту рожу в крови, в порохе, с поднятыми на лоб бровями, разинутым зевом и вытаращенными глазами, когда я, его «серденко», как он называл меня в припадках чувствительности, т. е. когда выпивал чуть не гарнец горилки, предстал перед ним оборванный, замаранный в крови и пыли всех оттенков.

Видя мой смех, этот добряк-зверь успокоился и, обозрев мою персону, сказал: «Дурень каже дурень, та и годи, – но, спохватясь, добавил, – а ну-те ходимо».

Скоро мы выбрались за аул! и присоединились к отряду.

Отдав подробный отчет генералу об осмотре нами местности доступной и более скрытой для подступа к аулам, равно и мест, где можно ожидать засад и секретов (все эти пункты я обязан был обозначить на карте глазомерной съемки), я получил позволение отдохнуть до ночи. Обмывшись, перевязав ушибы, выпив и закусив, как следует доброму казаку, я уснул богатырским сном. Часу во втором ночи меня разбудили. Отряд, разделенный на части, уже готов был к движению; вожаки из горцев (*Часто немирные горцы сами сообщали о намерениях в горах, о сборах для нападения и водили отряды для разорения своих же; к этому руководило их не чувство мести, а деньги и подарки, даваемые за услуги, на каковой предмет отпускалась довольно значительная сумма начальнику линии. Такого приятеля-вожака всегда брали на глазок: винтовка сзади следовавшего казака была постоянно готова ссадить его с коня.*) и пластунов были в голове каждой колонны. Генерал, объезжая отряд, отдал последние приказания.

В грозной тишине, как нависшая туча урагана, тронулись войска. Нигде ни слова, ни огонька; орудийные и ракетные пальники в чехлах; только глухой гул копыт и колес, как дальний водопад, отдавался в ущельях гор.

Ночь была пасмурная; кругом нависли тучи; резкий ветер гудел в ущельях, гоня перед собою серый туман; казалось, сама природа негодовала за нарушение ее покоя.

Так мы прошли по пересеченной местности верст около двадцати. Главный отряд остановился, а части, назначенные для истребления аулов, кошей и хлебных запасов, в той же тишине тронулись каждая за своим вожаком. Я вел отряд основателя и начальника линии, полковника Волкова, незабвенного нашего героя-рыцаря «*sans peur et sans reproche*» (без страха и упрека), уважаемого всеми и грозного врагу. Маскируемые воем ветра, по лесным ущельям мы, незамеченные, приблизились к сильно-укрепленному большому аулу, расположенному в глубокой лесистой балке, и остановились над ней. Как змеи поползли пластуны... весь отряд превратился в слух: удачно ли снимут неприятельские секреты и не ошиблись ли пластуны местами их залога. Гробовая тишина тянулась около часу; но вот долетевший по ветру слабый крик и стон в нескольких местах сказали отряду, что все кончено для караульных. Затем в разных пунктах завывали шакалы (*Для передачи условных сигналов пластунами и вообще казаками употреблялось подражание зверям и птицам, и они так искусно это делали, что трудно было различить от настоящих*), и по этому сигналу отделились две сотни и повелись вправо и влево, обскакать кругом аул, чтобы отрезать возможность к побегу. Между тем, казаки, спешась и побатовав, передали коней коноводам и, как тени, спустились в балку к палисаду, ожидая сигнала ворваться в аулы. Томительно тянулись минуты ожидания... и только с первым появлением предрассветной зари, взлетела сигнальная ракета; за ней вслед дрогнула окрестность, потрясенная залпом дивизиона орудий – и эхо покатилося перекатом по ущельям. Не одно сердце забилося сильнее в груди; но раздумывать было некогда: прежде чем запыхало несколько саклей от гранат и ракет, казаки были уже за палисадом и началась резня. Испуганные неожиданностью нападения, и притом спросонья, горцы металась как угорелые, однако, скоро опомнясь, дрались и отбивались отчаянно. В час времени все уже было кончено для аула и его жителей, а сколько произошло в этот час отдельных сцен, страшных, отчаянных, ужасных, а иногда и смешных!.. Везде искалеченные трупы, между которыми линеец очень спо-

койно обирал, что попадалось под руку. Вот тут-то и было много смешного, когда, рискуя жизнью, несколько казаков ссорились до драки за какое-нибудь старое одеяло, в котором больше известных беловатых животных, чем ваты и стежек. Но затихла дробь выстрелов в пылающем ауле; только изредка слышится одиночный звук, раздающийся уже за аулом; прошла резня, и казаки с добычей, сколько достало сил захватить, бросились к коням. Пехота залегла по лесу, началось общее отступление.

Немного собралось горцев из соседних аулов провожать непрошенных гостей; многие аулы понесли почти одну участь с Муртузали.

Возвращаясь на соединение с главным отрядом, мы пожгли все хлеба и сено горцев, пригнали баранту, скот и коней.

Около полудня возвратились все отдельные отряды, приведя более сотни пленных, пригнав, до пяти тысяч баранов и сот пять рогатого скота и лошадей. Развели костры, закипели котлы и явилась круговая чарка-чародейка; пошли разговоры и неизбежная похвальба подвигами; поднялся смех и слышалась подчас ловкая острота над хвастуном или наивным новичком... Только раненые охали да кряхтели в руках эскулапов и их ассистентов.

Набег вполне удался, благодаря употребленной хитрости – собрать за несколько дней, в середине и в верховьях линии, сильные отряды, тем более, что накануне, после сожжения кошей, отряд отошел по направлению вверх по Лабе. Все это вместе обмануло горцев: они никак не ожидали нападения в низовьях реки, твердо веруя в недоступность своих логовищ, ибо до тех пор никогда не бывало нападения отрядов в направлении от Черных Гор.

Потеря наша была, убитыми и ранеными, человек до сорока, да около сотни лошадей.

Весело возвратились к вечеру в станицу. За удачный набег вышли награды; на долю пластунов назначено было четыре георгиевских креста. Собрались товарищи, посудили, порядили, и как ни хотелось всякому иметь крест, но нужно было выбрать только четверых. счастливых, в числе которых единогласно избрали меня и Мандруйку. Я сам чувствую и сознаю, что недаром добыт мною этот знак отличия военного ордена; вдвое горжусь тем, что он мне приговорен единодушно такими специалистами в деле охоты за горцами, как бывшие пластуны.

Глава VI. СВАДЬБА В КАБАРДЕ

В 1846 году, незадолго перед вторжением Шамиля в Ка-барду, я стоял со взводом конной казачьей № 14-го батареи на Змейском посту, в нескольких стах саженях от старого минарета, знакомого всем тем, кто проезжал по Военно-Грузинской дороге. Все кругом было в волнении, в ожидании скорого прихода Шамиля; слухи об огромном сборище и о решительных его намерениях давно уже ходили между горцами. Кабарда имела тогда слишком слабые резервы, и нам велено было начальником центра, князем Голицыным, быть осторожными и готовыми во всякое время оставить пост и присоединиться к своим, смотря куда будет удобнее и безопаснее. Осторожность эта не прервала, однако, наших частых сношений с кабардинцами и взаимные визиты не прекращались. Поэтому я и сотник С-в не отказались от приглашения князя К... ва на свадьбу его сына. Зная хорошо соседей, мы распорядились, на всякий случай и, поручив каждый свою часть надежным помощникам, отправились за Терек в аул князя, предварительно высыпав весь порох из газырей и натрусок, так как горцы непременно стали бы просить пороху: дать его, значило бы дать на свою голову, отказать же хозяевам, не заслужив их вражды, не было никакой возможности. Приехав в аул только с вестовыми, мы были встречены в кунакской самим князем и введены с почестью в среду гостей. Явились муллы, кади, эфенди, музыканты, жених и его товарищи-поезжане, и все перешли в главную саклю князя. После молитв духовенства и благословения молодых, начался обеденный стол; молодые, окруженные каждый своими друзьями, заняли почетные места. Свадьба молодого князя была во многих обрядностях далека от прежних обычаев и всем тогда резко бросалась в глаза; но старый князь К* всегда был эксцентрик, а его богатство и слава были могущественны по влиянию на народ, и потому никто не смел осудить, а тем больше заметить о нарушении старых обычаев. Гости уселись, кто на тюшеки, т. е. подушки, покрытые коврами, кто просто припал на корточки, где кому пришлось удобнее, соблюдая, впрочем, уважение к старости, роду и заслуге. Все принялись терзать руками и ножами неприхотливую и далеко негастрономическую стряпню горской кухни, запивая аракой и бузой. По окончании обеда, гости порядком развеселились, перешли в кунакскую, где уже ожидали музыканты. Началась пляска: молодая, стройная и прекрасная, как гурия, танцевала лезгинку; молодой, скрестив на груди руки, стоял напротив ее и жадными глазами следил за сладострастными, дикими и грациозными движениями своей возлюбленной. В самом разгаре танца, старик-кабардинец, стоя за мной, сказал, коверкая слова: «тебя любят оба князя; наш адат велит; если хочешь почтить молодых, выстрели из пистолета под ноги молодой; но храни тебя аллах, если ее ранишь». Стреляя порядочно из пистолета и, желая похвастать как знанием приличий, так и стрельбой, и при том, как небольшой охотник до арака и бузы, находясь совершенно в нормальном состоянии, я выстрелил, и пуля впилась в пол сакли у самых пальцев ног красавицы. Она едва вскрикнула от неожиданности приветия и снова понеслась как серна, стройно и величаво. Оглушительное «джигит Палон» (*«Молодец Аполлон»*. Горцы вообще редко называют по фамилии, а более по имени, и меня из Аполлона перекрестили Палоном.) были наградой моей ловкости и любезности. Дружески кивнул головой и молодой князь; светлая улыбка красавицы мелькнула на роскошных розовых ее губках... Я торжествовал, вполне довольный собой. В это время порядочно подкутивший С-в, выхватив из-за пояса пистолет, вздумал тоже побравировать, но не суждено было тому исполниться, и другая ждала награда уже не его одного, а нас обоих. Пистолет осекся; он взял его левой рукой за ствол, взвел курок и только что стал насыпать на полку порох из обязательно-предложенной натруски, как раздался выстрел. Пистолет выпал из руки оторопевшего С-ва; молодой князь, стоявший прямо против дула, с тихим стоном упал без жизни, не отняв даже рук от груди

– пуля попала ему в самое сердце. Отчаянный вопль красавицы, бросившейся на труп мужа, был заглушен ревом сотни пьяных горцев; ненавидевших в душе русских: сверкнули кинжалы и шашки, и плохо бы пришлось обоим нам на этой кровавой тризне, превратившей разгул свадьбы в похороны. Я отступил в угол, выхватил кинжал и шашку, и решился недаром про-
дать жизнь. С-в уже был сбит с ног. Но в это время старый князь К-ов явился нашим спасите-
лем. Бледный, как смерть, дрожащей рукой он поднял пистолет и видя, что курок на первом
взводе, а полка откинута, вмиг сообразил, что у С-ва не было злого умысла убить его сына,
а что это дело судьбы, предопределившей его участь. Дрожащим от волнения и слез, но все
еще могучим и сильным голосом, старик, гордо и величаво окинув взором собрание, сказал:
«аставар» (*Остановитесь.*). Все, как будто под влиянием волшебного жезла, вдруг стихли и
обратили глаза на князя. Подойдя к С-ву, он спросил: «давно ли заряжен был пистолет», и
на ответ «более месяца» грустно покачал старик головой. «Через этого человека», сказал он,
обращаясь к своим, «великий Бог совершил непреложный закон своего предопределения; ста-
рый слежавшийся заряд тлел в стволе, и в нем была смерть моего единственного сына. Не виню
неверного в умысле; он был: друг мне и сыну; мы давно ели с одной посуды и не раз доказали
взаимную приязнь; но теперь между нами кровь и я один имею право канлы (*Кровавая месть
за убитого; впрочем коран допускает выкуп крови и взамен жизни можно откупиться пре-
зренным металлом.*). Немного погодя, старик, уже менее твердым и звучным голосом продол-
жал: «Радость и горе посылаются Богом и святым его пророком. Друзья, я собрал вас разделить
радость, но горем я не делюсь и прошу теперь, дайте отцу, матери и молодой вдовице посето-
вать и не мстите невинным: они рука Провидения, а не злодеи; об них я сам распоряжусь». Понимая по-кабардински, я передаю речь почти буквально; она глубоко запала мне в памяти. Гости с угрозой и упреком взглянули на нас, но молча разбрелись по знакомым аула. Радость и веселье княжеской семьи так трагически кончившиеся от неосторожности подкутившего С-
ва, тяжело отозвались во всех сердцах. Как только вышли гости, князь нам велел следовать за собою, и мы, грустные и встревоженные пришли в небольшую новую его саклю. Молча он нас оставил там и запер на замок; но не прошло и часу, как явился его уздень (*Уздень – дворянин, вассал князя. Уздени разделяются на степени первую, как наши столбовые дворяне, и на вто-
рую – личные.*) и ввел наших вестовых и человек десятков горцев, вооруженных с ног до головы. Горцы расположились у дверей, не выпуская винтовок из рук. Это начало поколебало было в нас веру в рыцарство князя; но оставленное оружие у вестовых и у нас давало надежду про-
дать дорого свою жизнь или, по крайней мере, свободу. Можно представить себе, как провели мы время до утра и какие картины рисовало наше услужливое воображение. Утро разрешило задачу: караул был приставлен единственно для ограждения нас от мести и оскорблений ауль-
ных жителей и гостей-кабардинцев. Всегда искреннее и глубокое чувство уважения останется у меня к памяти старого князя К-ва, который не поддался влиянию чувств мести и ненави-
сти, так свойственных мусульманскому изуверству и дикой натуре горца. Князь нас сам про-
водил до переправы на Тереке и, прощаясь, сказал: «Да хранит вас ваш Бог! Я вас не обвиняю в смерти моего сына, и потому отпускаю не как врагов, а как орудие, посланное Богом нака-
зать меня. Советую, перейдите на службу подальше отсюда: будете подальше от мести каждого кабардинца. Пистолет твой, С-в, я не могу возвратить; наш адат велит оружие крови иметь у себя, но вот тебе взамен мой, а тебе, Палон, мой кинжал; прощайте». Сказав это, благородный старик взмахнул нагайкой и как стрела полетел к аулу.

С невыразимой грустью вернулся я на пост и, как ребенок, плакал и молился; но я не стыжусь тех чистых, святых чувств, и многое в немногие мгновения пережила душа, тогда еще не отравленная неверием.

Через два дня Шамиль уже был в Кабарде. Крепость Нальчик едва устояла. Часть кабар-
динских аулов присоединились к Шамилю; но слабые силы наши окрепли, закаляясь в опасно-
стях боя настолько, что скопища имама были несколько раз разбиты на Тереке и, наконец,

прогнаны с позором генералом Фрейтагом, полковником Ильинским и Левковичем, в отряде которого я дрался близ минарета, с утра до вечера. Будет время, и я расскажу об этом героическом и славном деле полковника Левковича, с его 4-м тенгинским батальоном, где один дрался против более чем десятка горцев.

Благородного старика князя К-ва не привела судьба мне более видеть: он в числе немногих не изменил и в преданности России, как был неизменен в дружбе.

Глава VII. БОЕВЫЕ РАКЕТЫ

По сформировании на правом фланге конно-ракетных казачьих команд, ракеты в первый раз были употреблены в дело при отступлении от разоренных аулов Бек-мирзы и Изиго, жестоко наказанных за измены и разбои начальником Лабинской линии В-вым. Грозно и стройно отступал отряд, преследуемый собравшимися толпами горцев, понесших огромную потерю. Массы конных и пеших завели перестрелку, наседая на арьергард и на боковые цепи. Атаки их были отбрасываемы картечью; но раздраженные горцы росли как грибы после дождя и роились как комары перед непогодой, ежечасно увеличиваясь вновь прибывающими. Так прошли теснину Шайтанагач (*Чертова верста, горное название ущелья.*) квадратных верст, окаймленная с двух сторон густым лесом и высившимися гранитными уступами Черных Гор. Эти вековые гиганты страшно зияли пастями своих ущелий, дымившихся туманом; впереди нас долину замыкала теснина, и чтобы не дать занять ее горцам, В-в приказал отбросить их непременно еще в долине. Усилился артиллерийский огонь в цепи; но горцы, на время отбитые, с новой энергией бросались вновь и вновь, тесня нас и стараясь во чтобы то ни стало опередить отряд и занять ущелье. В-в, видя, что дело может принять не совсем хороший оборот, велел мне выдвинуться за цепь с моей ракетной командой в полном ее составе (*Состав был из 54 станков, 24 на итативе из железа с желобком и 30 деревянных колодок, ползунов.*) (до этой минуты команда шла в главной колонне, скучая бездействием). Встрепенулись молодцы, обрадованные случаем представиться и заявить о себе гололобым хозяевам, так назойливо угощавшим гостей.

Сомкнувшись в густую колонну, на полных рысях, выдвинулась за цепь команда. Горцы, сгруппировавшись в густые кучи, с удивлением смотрели, что за диво, что сотни три донцев (*Донцы стоят вообще во мнении горцев невысоко. Всякий новоприбывший на линию полк нес значительные потери от незнания новичками местности, образа войны и уловок неприятеля. Для отвращения этого, впоследствии смены делались через три года не полным составом полка, а половинным: это принесло пользу и горцы стали бояться грозных пик. Преимущественно же славились полки у нас на линии Ягодина, а на левом фланге Бакланова – грозы чеченцев.*) так смело идут в атаку, на массу более чем впятеро сильнейшую. Не торопясь, они готовились хорошенько пугнуть смельчаков, и нам отчетливо было видно, как стрелки, спешась и брося винтовки на погон левой руки, привынули шашки. Еще минута – и колонна наша, пронесаясь в карьер сажень сто, не укорачивая аллюра, развернулась фронтом и, как вкопанная, остановилась, имея невиданные треноги и чурбаны впереди; вслед за командой: «батареи залп!» пятьдесят четыре страшных чудовища, с огненными хвостами и густым дымом, врезались в массы горцев и пошла оглушительная трескотня от разрыва гранат. Не дав опомниться горцам, застланным густой пеленой дыма, я приказал производить пальбу через станок, возвыся угол для вернейшего действия снаряда, рассчитывая, что после губительного залпа горцы бросятся к лесу. За дымом, застилавшим сборище, мы минут десять не видали что стало с горцами; но пахнул ветерок, и нам представилась страшная картина истребления: трупы людей и коней валялись на месте скопища, усакавшего и рассыпавшегося по лесу, не подобрав даже, по обычаю, тел убитых и раненых товарищей. Поблагодарил нас задушевным словом обожаемый, незабвенный наш В-в, и отряд, не тревожимый уже решительно ни одним близким выстрелом, вернули на линию.

Потеря горцев, по словам лазутчиков, была огромна; долго после того они боялись нападать на донцев и, при виде пики, им все мерещилась ужасная ракета. Но и к этому чуду они

привыкли, как привыкает человек ко всему; только кони их не мирились с ракетами и как вихрь уносили седоков, не слушая повода.

Вскоре после этого чертова боя, как выражались горцы, породившего тысячи догадок и предположений, одно нелепее другого, мирные, уже слышавшие от своих земляков о новой урус-штуке, приехав на сатовку (*Сатовка, мелочная торговля горцами с жителям линии, бывала обыкновенно в джуму, т. е. пятницу, чтимую мусульманами как у нас воскресенье. Они привозили свои произведения и менялись на наши зеркальца, иголки, сковороды, соль и разные побрякушки нехитрой работы. Эта ярмарка своего рода сближая горцев с нами, много влияла на смягчение нравов, и давала хорошую и выгодную торговлю для казаков. Приезжавшие горцы останавливались за станицей и не пускались в нее ни под каким предлогом, и потому были негодяи, которые надували их очень нечестно.*) и увидя, на бывшем в то время практическом ученье, часть ракетной команды, действовавшей ракетами, спрашивали меня: «Ей, Палон, скажи пожалуй, какой ево тут шайтан: стреляй – нет, пошел есть, стреляй там!» Долго не решались мои кунаки на предложение мое рассмотреть этого зверя; они не только взять в руки ракету, даже и близко опасались подойти к ней, полагая наверное, что шайтан, сидящий в ней, вмиг взвьется и унесет их не в рай к гуриям, а прямо в пекло к черту.

Глава VIII. КУНАК

Слово кунак имеет так много оттенков, что передать все тоны и типы куначества почти невозможно. Куначество перешло к казакам, как и многое другое, из обычаев когда-то дружно живших с ними горцев. Кунак – друг, на жизнь и смерть; в более обширном смысле – хороший знакомый, приятель. Кунаки менялись между собою оружием, и связь между ними была так крепка, что один из них часто платил своею жизнью за жизнь кунака, или выкупал его, идя сам в кабалу. Тело убитого кунака друг обязан был доставить семье; иначе он обязывался кормить ее до возраста сыновей и замужества дочерей. Клятву кунаки произносили на коране с обнаженным оружием и тут же им менялись; затем между ними ничего не было заветного, и они составляли в двух телах одну душу. Наши кунаки-казаки между собой меняются крестами, как и везде христианские названные крестовые братья; с горцами же куначество скреплялось словом чести, вроде клятвы, а больше подарками по силам и средствам, причем если кунаку что-либо понравится, кроме заветного, т. е. выговоренного, то непременно должно ему подарить, и он взаимно обязан отдарить на тех же основаниях. Вот тут-то и начинается изнанка в сущности весьма почтенного и благородного обычая. Кто был менее совестлив, тот оставался всегда в барышах, и для, некоторых личностей куначество было просто промыслом, средством приобретать хорошие вещи взамен дурных и жить на чужой счет. В 1848 году я имел в числе кунаков узденя махашевского племени, Магомет-Билея. Плут большой руки был мой кунак и ловко умел выманить понравившуюся ему вещь. Раз как-то я подарил ему старинные серебряные часы с турецким циферблатом и репетиром. Мой кунак пришел в такой восторг, что, невзирая на всю степенность и солидность своей фигуры, выкидывал разные уморительные штуки, так что мартышка позавидовала бы его искусству; то пожмет репетир, то к уху приложит, то высунет язык, приложит к стеклу и уверяет, что так лучше слышит. Изъявления и заявления дружбы, конечно, при этом он сыпал щедрой рукой, не жалея ни слов, ни объятий...

Вдруг пропал мой кунак и несколько месяцев о нем ни слуху, ни духу. Говорили, что он наделал что-то между своими и бежал в горы во избежание канлы (кровной мести); но я мало верил слухам, зная хорошо, что канлы есть общий щиток мирных горцев при всяких плутнях. Предлог этот употреблялся ими часто для того, чтобы лучше замаскировать свой побег в горы, неминуемым следствием которого было участие в набегах и грабежах у нас на линии или за Кубанью, а потом, извиниться необходимостью по адату, быть в партии, где он если и был налицо, то не только не поживился чем-либо, а даже ружья не вынимал из чехла. Было время, что все это сходило им с рук. Кунак мой был одним из лучших наших лазутчиков и зарабатывал немало денег своим ремеслом, меняя тайны правоверных на рубли гяуров.

Начальнику линии необходимость военных соображений указала осмотреть верховья обоих Тегеней, и он, с летучим отрядом из нескольких сотен, отправился туда. На линии было, по-видимому, спокойно, день праздничный и мы, несколько человек офицеров, собрались на охоту за кабанами по рекам Чафраку и Хадзу. Вздумано – сделано. Явилось около сотни охотников-казаков; мы отправились. Погода была восхитительная; как-то особенно легко дышалось свежим горным воздухом, и мы гнали гай за гаем. Стрелки на пересадах не умолкали; кинжальники (*Кинжальники – это охотники, предпочитающие кинжал пуле. Надо много ловкости и отваги, чтобы решиться встретить, стоя на одном колене, рассвирепелого зверя, летящего на дым выстрела с ужасающею быстротой. Кинжальник опрокидывается на спину почти перед рылом кабана, ничего невидящего вокруг себя, кроме дыма от выстрела, и в момент, как проносится над ним или около него зверь, всаживает кинжал ему в сердце или распарывает брюхо. Кинжальники обыкновенно становятся перед стрелками.*) работали смело и ловко, а

гаельщики так неистово орали, что, кажется, самые деревья готовы были от их крика пуститься вслед за кабанами. Было убито уже несколько секачей-одинцов (*Кабаны, за семь лет от роду, как бы отчуждаются или изгоняются из стада и ходят большей частью в одиночку, почему и дано им название одинцов. Секачом называется кабан, имеющий огромные страшные клыки, и странно, что пока еще не остынет убитый кабан, клыки сохраняют остроту ножа; но с охлаждением крови они тупеют до того, что надо усилие, чтобы поранить самое мягкое тело. Секачи чрезвычайно свирепы и, невзирая на неуклюжесть свою, легки и поворотливы на бегу, так что надо доброго и хорошо приезженного коня, чтобы увернуться от его клыков. Случалось убивать секача до 18 пудов. Убитого кабана необходимо в ту же минуту распороть и выпустить внутренность; иначе мясо и сало получают такой неприятный запах, что нельзя есть.*), не говоря о стадных свиньях, кабанах и поросятах.

Я ехал с урядником Подрезовым по опушке, и выскочивший кабан порядочно-таки нас помучил, выделявая такие эволюции, что, того и смотри, поранит коня. Наконец выстрел под ухо положил неугомонного, и мы стали поджидать казаков, чтобы разделать его и отволочь в общую кучу к убитым.

Вдали от нас, к горам, появлялись по временам всадники, но, завидя нашу потеху, быстро исчезали за лесом, и мы так были увлечены удачной охотой, что на явления эти не обращали никакого внимания. Все шло как нельзя лучше; даже не было, по обыкновению, посеченных кабаньими клыками; охота делалась все шумнее и веселее, и каждая угрожавшая опасность только разжигала задор наткнуться на новую и ловко отделаться. Вдруг наш часовой с дерева кричит мне, что давно уже какой-то татарин маячит (*Маячить значить давать знать, что имеет дело к встречному. Маяк состоял в том, что делалось несколько вольтов полного круга в одну и ту же сторону, имея при том винтовку в чехле за спиной. Вынутая и положенная поперек седла винтовка означала вызов на бой. Отдать маяк значило сделать такое же число вольтов и в ту же сторону.*) и, как видно, его маяки не даром. Я послал урядника и двух казаков отдать маяк и спросить, чего ему нужно. Скоро вернулся урядник вместе с кунаком моим, Магомет-Билеем. Неожиданность встречи не озадачила меня; подобные случаи бывали часто; но меня крайне удивила та торопливость, с которою Магомет обратился ко мне. Слова и их лаконизм были новы в моем кунаке, который обыкновенно выражался витиевато в восточном вкусе, какою-то рогатою речью. Привычка, дело опыта, не доверять горцу, даже такому кунаку, как Магометка, заставила меня быть настороже. Он в коротких словах посоветовал нам поскорее убраться домой, бросить охоту, потому что большое скопище горцев давно нас видит и большинство подает голос напасть на нас, а князья и вожаки советуют идти прямо на станицу Константиновскую отбить скот. На вопрос: «Ты почему же это знаешь?» он ответил, что сам оттуда. «Я тебе кунак, ты мне подарил часы, каких нет у самого падишаха; ты не веришь нам, но не все и не всегда неблагоприятны; прощай же, пока не убедишься, что я не даром тебе кунак, да спеш и помогай своим, как знаешь». И, не ожидая ответа, как вихрь понесся и исчез за лесистой извилиной Ходза. Шутить, во всяком случае, было нечего; правду или ложь сообщила мне кунак, поверять было некогда. Жаль было бросить набитую дичь – не всякий раз случалась такая богатая удача – да ответственность была велика. Порубили кусками, что попало, получше и поскорее под руку, приторочили к седлам, и на полных рысях пустились домой. Больше двадцати верст до станицы мы сделали с небольшим в час. Сбросив с седел добычу, я велел не разъезжаться с площади, послал с резерва нарочного в Константиновскую дать знать об опасности местному воинскому начальнику, а между тем призывный набат зазвучал в станице с перекатами барабанов и труб, и все вооруженные живо собрались на площадь, в недоумении смотря на начальство. С вышек выстрелов никто не слышал; видно было только, что все ожидали невидимой, но верной опасности. Не прошло и часу ожидания, как загудели выстрелы, в направлении к Константиновке, и я, взяв полусотню свежих казаков и своих писарей (*У нас было до 60 писарей; кроме дежурных в отделениях, остальные с адъ-*

ютантом скакали зачастую на тревоги.), понесся во все повода на тревогу, велел бывшим на охоте следовать прямо на Лабу к броду, против станицы Константиновской. Во время скачки восемнадцативерстного расстояния до станицы, усиленные орудийные выстрелы и перекаты ружейной пальбы становились все звучней и ясней; виднелась свалка под станицей. Вот нас разделяет уже только один Чамлык...

Посланный мною нарочный едва предупредил станицу об опасности, как вовсе неожиданная беда снегом упала на голову. Скотский табун, голов более 3,000, под прикрытием шести казаков, подгонялся к водопою близ станицы, нимало не тревожась, и был уже верстах в 5–6 от дому, как из-за Чамлыкской балки показалась значительная партия, человек за 300, не беспорядочной толпой, как водилось у горцев, но стройно идущая прямо по дороге; впереди красный с золотою бахромой значок, как раз похожий на значок начальника линии. Стройность движения обманула приказного в табуне, да к тому же двое от отряда отделились, сделали маяк и, не ожидая ответа, подскакали на выстрел к табуну и чисто порусски закричали: «не тревожьтесь; это отряд с Тегеней!» Обманутые табунщики поспешили перегнать скот через дорогу; поднявшаяся пыль не дала видеть беднякам, что они окружены, и прежде чем они это заметили, их уже не существовало: все пали под шашками, не обнажив даже оружия. Распорядясь так удачно, горцы погнали табун к станице. Жители, видя скот, идущий спокойно и следующий за ним отряд, вовсе не предполагали врага внутри линии, и ожидали только, как сказал нарочный, незваных гостей из-за Лабы; теперь они спешили, кто с бочонком на повозке, кто просто с ведрами, набрать поскорей воды и запереться в станице. Партии хищников станичники обрадовались, как неожиданной и сильной помощи, вовремя к ним подоспевшей.

Подогнав скот к броду, горцы, вместо водопою, гикнули на табун, сделав несколько выстрелов над ним, и скот, как бешеный, бросился за реку, напирая друг на друга, и выскочив на берег, рассыпался по равнине; тогда мнимый отряд бросился на жителей совершенно растерявшихся и началась хватка в плен женщин и ребят. Едва успели пехота и часть жителей занять ворота, чтобы не допустить горцев ворваться в станицу. Местная льготная сотня, бывшая в прикрытии скота, ничего не только не зная о неприятеле, но и не подозревавшая близости его, оставалась в поле, отправляя табун на водопой; но, услышав выстрелы, быстро принеслась и, беспорядочной массой, не успев выстроиться для боя, бросилась в свалку. Пользуясь этим промахом, горцы вмиг ее отбросили. Расстроенная сотня, бывшая еще в первый раз в бою, за исключением немногих старых линейцев, озадаченная натиском горцев, далеко промчалась в поле; но, опомнясь, собралась и начала строиться за углом станичного фаса, готовясь ударить вновь на превосходного числом неприятеля. Между тем, из-за Лабы уже неслось другое скопище горцев, более 800 человек. Видя все это и сообразив, что попасть между двух сильных партий с такой кучкой людей, как моя, дело весьма опасное, а пробиться к своим, как говорится по пословице, «старуха на двое сказала», я счел за лучшее, пользуясь общей сумятицей, распорядиться так: оборотив команду назад, бросился в карьер к Чамлыкскому лесу, переправился в брод в семи верстах выше станицы, обскакал вокруг нее; ниже переправился снова за Чамлык, и послал сказать станичникам, что буду на Лабинском броду и постараюсь сделать все что только будет возможно для отбития скота, и чтобы все спешили ко мне на выручку.

На Лабе я соединился с посланными мною туда казаками, бывшими на охоте, и мы, притаясь в густом лесу, ждали возврата непрошенных соседей-гостей.

Между тем, обе партии горцев соединились под станицей, но, не решаясь идти на штурм, предпочли собрать бешено бегавший по равнине скот и угнать его в горы.

Много произошло под станицей отдельных эпизодов неравного боя, отчаянной храбрости и ловкой изворотливости. Так, казачонок, поселенец с Кубани, Сорокин, лет тринадцати или четырнадцати, ехавший на водопой на отцовской лошади с пистолетом за поясом, был окружен несколькими горцами, но не потерялся: подобрав поводья лихому коню, хлестнул его нагайкой, и, как птица, бросился напролом, успев в то же время ссадить в упор из пистолета

горца. Преследуемый хищниками, неся он стрелой, крича караулу на полевых воротах пустить его; ворота на миг распахнулись и мальчуган юркнул в них. Приехав домой, самодовольно потрепал он по крутой шее своего боевого товарища и побежал на батарею посмотреть, что творится за станицей. Мальчуган Сорокин, по засвидетельствованию лиц видевших его первый смелый дебют, был награжден малой серебряной медалью за храбрость, на георгиевской ленте.

Приказные Ледовской и Володин, бывшие дежурными на станичном резерве с несколькими казаками, перескакав мостик на Чамлыке, отхватили штук 150 скота из рук хищников и отстояли его, перегнав к станице. Мельник-казак Несонов, с тремя завозчиками, спокойно молотивший до тревоги, засел было, как в крепости, в своей мельнице и обстреливал плотину, да казачья натура не выдержала засады: быстро бросились они на нехитрую узкую плотину, забрались в кусты и давай сбрасывать выстрелами наскакивавших к мельнице джигитов, так что после боя нашли под плотиной шесть тел и до десятка лошадей. Мельницу все-таки, не дали ни зажечь, ни ограбить.

В противоположность этой находчивости, бедная казачка Фомина, поселянка с Дону; женщина лет под тридцать, возвращаясь с бочонком воды на волах в станицу, разряженная в кубелек и шелковый расшитый колпак (*Дончихи долго еще на линии донашивали свой национальный костюм, далеко не живописный и состоявший из кубелека, капота вроде тех, какие носят монастырские фелички, с тальей под мышками, и застегнутый спереди дутыми серебряными пуговицами; на голову надевали шелковый вязаный колпак, шлык которого висел на бок.*), до того растерялась, увидя горцев, что сама бросилась к одному из них под защиту, и он, конечно, как вежливый кавалер, подхватил ее, усадил на седло, сел сам сзади и, не дожидая других, отправился вскачь за Лабу. Бедная женщина, протерпев все бедствия нераздельные с пленом, только года через полтора выбежала из гор, оборванная и изнуренная. Другая ее подруга подлезла под воз, и тем отделалась от участи Фоминой. Много было и других случаев; но теперь всех не упомнишь, да, кажется, и приведенных достаточно.

Горцы, под прикрытием лучших наездников, собрали скот и нестройной массой отступали к Лабе. Смежные с бродом посты Родниковский и Курганский, по малочисленности конного гарнизона, помощи дать не могли; сотня станицы Чамлыкской была на Тегенях, а сотня станицы Михайловской, по дальности расстояния, прибыла тогда, когда уже все было кончено. Как только горцы двинулись к Лабе, весь гарнизон и большая часть жителей выступили из станицы в преследование, надеясь, хотя сколько-нибудь отхватить скота на броду – и не ошиблись в расчете. Вода в Лабе была велика, и в этом месте река имеет пять протоков, так что скот пришлось не в брод перегонять, а плавить на расстоянии более версты. Поднялась у горцев страшная кутерьма, чем я и воспользовался, сделав залп и бросаясь с двух сторон в шашки из нашей засады. Мои молодцы так неистово гикнули, что, озадаченные нечаянностью, горцы бросились уходить, стараясь выбраться скорей из воды; подоспевшая из станицы подвижная гарнизонная артиллерия, несколькими удачными картечными выстрелами, расстроила их наплаву. Нескученный скот уносился быстринной течения и выбирался, где указывал инстинкт, на берег или на косу, на ту или на другую сторону; жители рассыпались по лесу хватать свои животы, как они называют скотину. Горцы опомнились, однако, довольно скоро и тоже открыли огонь из-за каждого занятого куста и старались не давать скота. Были смельчаки, бросавшиеся наперерез плывущим и уносимым течением, стараясь завернуть их на свою сторону. Хаос был необычайный и у нас, и у них: никто никого не слушал, суетился и метался как угорелый.

Громкий крик, гам, стрельба ружейная, орудийная, рев скота, шум бешеной Лабы – все сливалось в одну адскую ораторию. Только быстро наступивший по закате солнца сумрак прекратил эту общую суматоху. Общими усилиями нам удалось отбить обратно около половины скота. Преследовать за Лабу неприятеля было немыслимо, и мы, пока совсем стемнело, собирали разбежавшийся и от страха одичавший скот. Немало его погибло и унесено Лабой, так что в результате горцы поживились менее чем 500 голов. Весь так хорошо задуманный и так, в

начале, удачно исполненный набег обратился в игру, не стоившую свеч, если принять в соображение ту потерю убитыми и ранеными, какая оказалась у них по единогласному свидетельству лазутчиков. Но все же дело было проиграно, и наград ожидать не приходилось, разумеется, кроме утешения, что всякий из нас старался, насколько хватало сил и умения, исполнить свой долг. В этом табуна у меня было четыре пары быков, и мой старый батарейный боевой конь; достались ли они горцам, утонули ли в Лабе, для моего кармана расчет был все один и тот же. О таких потерях мы мало тужили: удачный набег – и опять пополнен убыток, да еще часто и с лихвой. Потеря с нашей стороны была человек до двадцати убитыми и ранеными, да шестеро взятыми в плен, женщин и детей; скота не досчитались до тысячи штук крупного и мелкого. Часу в одиннадцатом вечера, прибыл к нам с большого Тегеня начальник линии, наш обожаемый Волков, сделав в день более 120 верст. Ему было дано знать, с малого Тегеня, нашими разъездными казаками, заметившими партии, и он по сакме думал ее нагнать, или застать дело... Но было поздно: далеко до его прихода все уже было покончено. Отдав подробный отчет о ходе дела и получив душевное спасибо, вместе с дельными замечаниями в упущениях, всегда глубоко врезывавшимися в память и частенько впоследствии выручавшими в трудной, разбойничьей нашей войне с горцами, мы остались ночевать на броду.

С рассветом переправились за Лабу и пошли преследовать хищников, но их и след простыл: несколько штук отбившейся скотины, частью с порубленными шеями, бродили по камышам и кустарникам. Пройдя верст 15 от Лабы, мы вернулись.

Кунак мой Магометка был, между горцами, ранен в этом деле, выздоровел и явился с повинной. Его простили не в пример другим, принимая во внимание ту существенную пользу, которую можно было извлечь из этого далеко не дюжинного и влиятельного между горцами плута. Долго еще мы куначили с ним и он не раз доказывал свою твердость, пока его свои же не убили, окончательно убедаясь в его двуличности.

Был у меня и другой кунак, Ахмат-султан, известный у нас на линии больше под именем урупского бешеного султана. Он был потомок, по боковой линии, грозного Чингиз-хана и владел несколькими мирными аулами, поселенными на правом берегу реки Урупа, против станицы Урупской. Султан был высокий, стройный, красивый мужчина лет тридцати; но странная устойчивость зрачков его больших и правильно очерченных черных глаз и какая-то во всем теле и во всех движениях торопливость дали ему прозвание «бешеный», т. е. сумасшедший. Если он действительно был помешан, то мания его была просто плутовство, тонкое, ловкое мошенничество на все руки; другой же никто не замечал. Основанием всей его дружбы был пекшеш, т. е. подарок. Бывало, придет, и на что только устави́т свои неподвижные зрачки, то и подавай!.. А сам был скуп как жид. Надоело это до крайности, и я, необдуманной шуткой, положил разом конец нашему куначеству. Как-то пришел он рано утром и застал еще меня в постели. Глаза его остановились на висевшей на стене арабской винтовке, с золотой насечкой по всему стволу – подарке П. А. Волкова. Зная хорошо, что этой вещью я дорожу не по ее достоинству и ценности, а как памятью любимого человека, он и тут не выдержал и принялся хитрить, заходя со всех сторон: то рассыпался в похвалах моим достоинствам, выставляя меня каким-то сказочным героем, то находил во мне все источники доброты и преданности в дружбе. Как ни превозносил, однако, он мою личность и как ни хвалил винтовку, я не предложил ее в пекшеш и, не угостя даже гостя аракой и чаем, повесил винтовку на прежнее место, и отправился в штаб. Долго – говорили мне после вестовые – султан оставался в спальне, не сводя глаз с очаровавшей его винтовки, потом, вдруг махнул рукой, с улыбкой вышел на двор, сел на коня и поскакал как шальной прямо за станицу. Спустя несколько дней, он явился опять веселый, разговорчивый и, проболтав с полчаса, позвал меня на двор взглянуть на приведенного жеребчика своего завода. Конь был действительно статный, обещал в будущем доброго скакуна, и, стоил гораздо больше сотни рублей. Султан опять рассыпался в излияниях похвал, смешивая мои качества с его конем, и наоборот, и вдруг прервал речь,

предложив мне прямо жеребчика в пекшеш. Поблагодарил я кунака, похвалил подарок и угостил его, на славу. О винтовке ни слова, как будто он и не видал ее; но я хорошо догадался, к чему разыгрывалась вся эта комедия, и положил не поддаваться надувале, а обрезать его разом, не рассчитывая, конечно, на последствия, чуть не покончившиеся для меня трагически. На следующее утро приходит снова ко мне кунак, жалуется на головную боль, говорит, что моя арака просто огонь. Я велел, однако, подать ему опять водки и рому. Он долго не соглашался пить один, зная хорошо, что, когда я выпью лишнее, всякий может обождать меня как хочет. Ссылаясь на нездоровье и спешные дела, я наотрез отказался пить, а между тем усердно угощал кунака, а хотя он долго крепился, но, наконец, не выдержал, и чарка за чаркой полились в его широкое горло. Оживился мой султан; винтовка опять явилась на сцену. Полились рекой похвалы нашей дружбе и достоинствам винтовки; но вдруг, среди самых патетических излияний, я поразил оратора словами: «А что, султан, винтовка-то тебе видно очень нравится? Что ж, для такого кунака – изволь, я продам, давай деньги». Кажется, удар грома, разразившийся у ног моего кунака, не произвел бы на него такого действия, как эти слова. Вытаращив страшно зрачки, он быстро бросил винтовку на кровать и, как угорелый, ругая меня на всех знакомых ему диалектах, не исключая и русского, выбежал вон и с тех пор ни ногой ко мне. Посмеялись мы не раз с добрыми моими сослуживцами этой проделке, но казначей наш, сотник Иванов, сосед султана, отлично его знавший, советовал мне быть поосторожней в поездках по Уруп, чтобы не наткнуться врасплох на засаду бывшего кунака и не поплатиться головой. Прошло около году, а бывший кунак и носу ко мне не показывал; если и бывал в станице и случайно встречался со мной, показывал вид, будто не замечает или не видит меня. Игра эта в незнакомки смешила меня; но, скажу откровенно, и тревожила, выказывая всю ненависть, какая таилась в дикой натуре, не могшей преодолеть себя, при всей двуличности вообще характера горцев. Случай не замедлил оправдать и предостережение казначея, и мое предчувствие.

Возвращаясь, раз ночью, прямой дорогой с Кубани, куда ездил по обязанностям службы, я должен был проехать через султановские аулы. Как усмотрел меня султан, не знаю, но случайной встречи с ним быть не могло. Только что я начал переправляться в брод по Уруп, озаренному чудным светом полного месяца, как раздался выстрел; мой конь взвился на дыбы и, отчаянно крутя головой, кинулся в сторону, так что едва не выбросил меня из седла. Пуля пробила бедному животному храп. Бросились мои конвойные на выстрел, долго шарили в кустах и, наконец, притащили связанного арканом горца. Это был султан!.. В это время он действительно был бешеный: неудавшаяся, таившаяся столько времени на душе, месть – месть горца, бессильная злоба и страх будущего до того исказили его правильные и красивые черты, что решительно узнать было трудно; расширившиеся неподвижные зрачки светились как у волка, пена клубилась изо рта, он весь трясся как в лихорадке, судорожно вздрагивая. Думал было я отправить его в станицу и пошла бы процедура суда, да казачья натура взяла свое: я решил разделаться сам и поучить на славу кунака, т. е. я велел раздеть его догола, ввалить ему без счета добрых нагаек и бросить, привязав, к дереву. По нашему обычаю, взятому у горцев, оружие и шашку я отдал казакам.

Прошу не судить меня строго за эту разделку и вспомнить ту школу, через которую проводила нас судьба, те нравы и обычаи, среди которых вращалась жизнь наша на линии. Как я узнал впоследствии, кунак мой оставался привязанным к дереву до полудня; его отвязали свои и, изъеденного комарами и мошкаррой, отвели домой, где он провалялся с месяц в постели. Оправясь, он бежал в горы, с страшной местью в сердце, передав мне через своего узденя, что и за гробом отмстит свой позор. Но скоро его уколотили свои же, в горах, за какую-то подлую, даже и по их понятию проделку... Положа руку на сердце, скажу, что я стал далеко спокойнее и вообще осторожнее с его смертью: этот урок научил меня многому и был не без пользы впоследствии.

Глава IX. ДЕЛО НА УРУПЕ

В первых числах апреля 1851 года, горцы правого фланга, возмущенные шейхом Амин-Магомедом, мюридами, подосланными Шамилем, и турецкими агентами, начали собираться в Терекли-Мектеп (*Терекли-Мектеп*, «место суда» *сильный и хорошо укрепленный аул на верховьях реки Белой, спертый ущельем, вершины которого сходятся на расстоянии нескольких аршин. Река, замкнутая ущельем, бешено ревет в пропасти, едва сверкая; это место казни преступников, которых Амин приказывал бросать с моста с привязанной колодкой к ногам.*), резиденцию Амина. Горские лазутчики и наши пластуны ежедневно давали знать о волнениях в аулах в об огромных приготовлениях к открытому вторжению на линию, с целью разорить станицы и увлечь в горы семнадцать аулов мирных бесленеевцев (*Из довольно сильного племени бесленеевцев, семнадцать аулов замирившихся выдали аманатов, т. е. заложников, и были водворены на правом берегу реки Урупа, близ станицы того же имени, года за три перед тем.*) с Урупа. В этих аулах, невзирая на заверения жителей, волнение умов было также заметно. Волнение было тем опаснее, что, живя среди русских, мирные если и не могли вполне знать всех мер и средств к ограждению линии, то могли иное видеть сами и об ином слышать от неосторожных болтунов, от которых мастерски умели выведывать все нужное, угостив их по-приятельски аракой. Пересылка сведений и сношений из гор и в горы шла с изумительной быстротой, невзирая на всю бдительность кордона, по причине свободно-открытого пути вверх по Урупу и по обоим Тегеням, в то время еще незанятым станицами и постами.

Положение Лабинской линии, растянутой более чем на триста верст, было крайне затруднительно. Малочисленность расположенных на ней войск, при разбросанности их по станицам и постам, не позволяла сформировать в центральных пунктах конные летучие отряды для взаимной помощи. Причин тому было немало: начало возведения сильного укрепления на реке Белой с Гиагинским постом, на реке того же имени (*Первое наше укрепление на реке Белой начало возводиться в марте 1851 года, для батальона пехоты и для четырех сотен кавалерии, между укреплением и станицей Тенгинской. Здесь, через Лабу, был сооружен первый постоянный мост и на реке Гиаге строился пост. Для возведения их сдвинуты были войска с Кубани и сняты с Лабинской линии, предоставленной почти одним местным средствам обороны, так что начальник линии едва мог сосредоточить один небольшой летучий отряд, изнуряемый беспрестанными передвижениями, смотря по получаемым сведениям, часто не подтверждавшимся, о направлении или намерении движения скопища, предводимого Амин-Магомедом, численность которого еще не бывала за Кубанью в таком размере. Имам-эль-аазам (глава духовенства), Шамиль, если и не имел прямого влияния на горцев правого крыла, а тем не менее косвенное значение его и мюридизм, ведущий начало на Кавказе с 1780 года, с появления из Стамбула изувера муллы шах-Мансура, бывшего пастуха Тугаишского ущелья и Кара-долины, близ крепости Анапы, тогда еще грозной турецкой крепости, преобладали фанатиками и влияли на умы. Тайные же агенты из Турции, разных наций, инырляли, действуя посулами всякого рода и обещая прогнать русских со всего Кавказа. Эти проделки вначале вполне удались, пока горцы не убедились, что их надуют, и сами разделились с плутами. Надо помнить, что все это творилось перед началом севастопольской войны. Магомед-Амин, появившийся за пять или шесть лет до этого времени, с первого шага принял крутые меры против племенных князей и старшин, отнял у них я без того неважную власть; потворством же вассальным уздеям и свободным горцам увлек умы всех, проповедуя единение, как оплот против назойливости русских в занятии их земель. В то время Амину было не более 35–40 лет. Прежде он был в Константинополе, где понатерся при дворе и поразвился, притом вла-*

дел замечательным даром слова. Красивый и статный собой, он, говорят, был мальчиком продан в Турцию из чеченских племен.), перемена начальников фланга и, вместе с тем, неминуемые нововведения, не всегда применимые к местным потребностям, а также разного рода личные препирательства и столкновения. Амин-Магомед, хотя и не мог знать обо всем происходившем, но не мог и не знать главных капитальных реформ, отношений и столкновений. Все это вместе благоприятствовало намерениям горцев и давало им ручательство в успешном исполнении замысла.

Набросав беглый очерк положения Лабинской линии, не лишним считаю коснуться событий, предшествовавших блистательному делу на Урупе 14-го мая 1851 года.

Начальник линии, Петр Аполлонович Волков получил положительные сведения о намерениях Амин-Магомеда: начать вторжение на линию и, прежде нападения на станицы, забрать бесленеевские аулы с Урупа, не столько с целью усилить и без того огромное скопище, но для того, чтобы, заставив их принять участие в набеге, тем самым поставить в невозможность опять обратиться в мирных (*Мирные, какого бы племени ни были, были язвой для наших поселений: пользуясь титулом мирного, каждый горец старался поживиться на счет русского, и, при первом случае, перерезать горло или всадить пулю считал делом славным. Только впоследствии сообразили все это и стали их высылать на водворение в Войско Донское.*). Вследствие этого, около половины апреля, в станице Лабинской был собран летучий отряд, насколько припомню, в составе трех рот Кубанского егерского полка, трех сотен донского № 45-го Золотарева полка, трех сборных сотен линейцев, при четырех легких и двух батарейных пеших орудиях, при взводе конной казачьей № 14-й батареи и четырех станках конно-ракетной команды. Весь отряд в строю имел до 1250 человек. Этой горсти, сравнительно со скопищем, приходилось иметь дело, после изнурительных переходов, со свежими силами горцев, хорошо вооруженных и на бодрях конях и, притом, уже достаточно подготовленных Амин-Магомедом к более правильному и регулярному строю. Ежедневно получаемые сведения о скопище, готовом вторгнуться в линию, и неопределенность пункта переправы через Лабу ставили начальника линии в необходимость передвигать отряд то к станицам Чамлыкской, Константиновской, Вознесенской и Урупской, то возвращаться в Лабинскую. На пост Подольский (*Пост Подольский, расстоянием от Лабинской 40, а от Вознесенской в 28-ми верстах, вооружен полуцудовым длинным единоголовом и 12 фунт. пушкой; гарнизон из № 3 линейного батальона, при офицере, 50 солдат и 25 донских казаков. Пост командует окрестностью; с него видно на десятки верст. У подножия, почти на две версты ниже, остатки древнего укрепления Кол-Аджи, старая крепость, турецкая или венецианская; близ оной упраздненное наше укрепление того же имени. Таких остатков укреплений, как Кол-Аджи, немало в Псеменском и Длинном лесе; кем и против кого они строились, преданий не сохранилось; но что они древни, свидетельствуют вековые деревья, поросшие на валах, и во рвах еще хорошо сохранившихся.*), как самый возвышенный пункт на нашей линии, был послан, для наблюдения местности за Лабой, есаул С-в, с приказанием дать знать отряду, как только заметит скопище, и следить за его направлением и после переправы. Мне, как адъютанту, приходилось частенько скакать по линии с поста на пост, для промера бродов по Лабке, и совершать таким образом верст по сотне и более в сутки, а затем, совершенно усталому, то передавать приказания, то собирать для доклада сведения от лазутчиков и пластунов.

По распоряжению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, начальник линии вошел в сношение с начальником центра, князем Эристовым, и с генералом Граматиным, которые также собрали отряды: князь в составе до 4000, генерал Граматин до 2000; первый расположился за урупскими высотами к Тегеням, а второй к карачаевским ущельям, для прикрытия прикубанских станиц и селений. Медленность сообщений через кубанскую линию, с отрядом князя Эристова, вызвала необходимость посылать туда прямо нарочных по местности наблюдаемой неприятелем. Из четырех, разновременно посланных, урядников с

пакетами, двое были убиты, а бумаги захвачены; обстоятельство это вынудило посылать уже не с письменными, а с словесными сведениями и распоряжениями, важность которых с часу на час увеличивалась. Посылать урядника или даже и офицера не всегда было удобно, особенно в важных случаях, а потому жребий этот выпал на мою долю. Сказать правду-матку, невзирая на прирожденное мое достояние – беспечность, как-то невольно сжалось сердце, когда я вставлял ногу в стремя. Доехав с казаками до крайнего мирного аула, я переменял в нем коня и конвой и затем, в глухую полночь, проехал до отряда князя в сопровождении только трех кунаков-бесленеевцев, верст двадцать, без дороги, по пересеченной местности, наблюдаемой неприятелем. Предчувствие чего-то недоброго на этот раз не оправдалось. Поменявшись с князем всем необходимым в нашем положении, тем же порядком через день я возвратился, совершая путешествие по совиному – ночью. Так мне пришлось три раза съездить туда и обратно. Во вторую поездку, со мной случилась такая оказия, что иной и ученый физиолог не разъяснит ее. Сев на коня в ауле, я выпил стакан рому, который, по-видимому, не имел на голову ни малейшего влияния. Но, приехав на рассвете в отряд князя и остановившись у начальника его штаба, майора В-ва, я совершенно забыл зачем приехал и для чего? Для меня как будто прошлого не существовало; сколько ни старался я заставить работать память, она была безответна: я был сущий автомат, двигался, говорил, но был в бессознательном состоянии. Сперва В-в посмеялся, считая это состояние неуместной шуткой; но видя, что в сущности дело-то выходит не так, решил, что я просто рехнулся. Оставив расспросы о цели приезда, он дал мне стакан чая и предложил рому; едва я выпил, как память и полное сознание явились, будто сидели на дне стакана и, с последним глотком, вскочили в голову. Посмеялись мы оба этой оказии и занялись делом. Вскоре встал и князь. Все, что было нужно, было переговорено и обусловлено до себя; отказавшись от обеда, я лег, часу в двенадцатом дня, спать и проспал часов до десяти вечера. В это время меня разбудили, сказав о времени; я вскочил гоголем, как на тревогу, но память опять упорхнула невесть куда. Тогда В-в, уже не говоря ни слова, прямо предложил мне грогу: память с сознанием тотчас же явились в свою штаб-квартиру. Дальнейших превращений и исчезновений памяти, как носа в повести Гоголя, не последовало, и комедия разыгралась только двумя актами. Объяснение этого феномена наш медик С-ий изложил так темно и неудобопонятно, что мы остались совершенно неудовлетворенными.

12-го мая, в отряд, расположенный в станице Вознесенской, прискакал с поста Подольского есаул С-в с донесением, что сборище, занявшее местность на огромном протяжении за Лабой, появилось против поста. Ругнул его недобрым словом В-в за личное появление в то время, когда он должен был следить до конца за самой переправой горцев, и велел мне удостовериться на месте о донесенном и докончить порученное С-ву.

Взяв с собой заводного коня и выбрав шестерых старых пластунов на добрых конях, к закату солнца я, со своей свитой, был уже на посту. Приняв команду над постом и осмотрев местность, я распорядился залогом секретов на Лабе, поставил две конные заставы, каждая под командой пластуна, послал нарочных на смежные посты с тем, чтобы с них было дано знать сигналом по всей линии. При этом даны были следующие приказания: 1) тот пункт, близ которого неприятель начнет переправу, должен производить каждые пять минут выстрел боевым снарядом; затем, оба ближайших поста должны были делать то же самое через семь минут, а последующие, по мере удаления, через 10 и 15 минут; 2) осмотреть подъемные мосты и, в случае нападения и неустойки, заклепывать крепостные орудия и взрывать посты, гарнизонам же, присоединяться куда укажет необходимость; 3) усилить секреты и выставить конные заставы. Из этих распоряжений, основанных на приказаниях начальника линии, видно, что он хотел дорого уступить горцам свое детище, свое любимое создание – Лабинскую линию.

Начальник поста, подпоручик Бондаренко, и я, вооружившись подзорными трубами, забрались на постовую вышку и до самого света любовались дикой картиной табора горцев, видного нам как на ладони, при свете огней костров. Всюду мелькали тени, то ярко освещен-

ные, то скрываемые пламенем и застилаемым дымом, волновавшимся как чадры восточных красавиц от налетавшего ветерка. Всю эту движущуюся панораму озаряла, полным блеском, полная майская луна. Казалось, самый ветерок, по временам заглядывавший под соломенную крышу вышки, как шаловливый барич под шляпку красавицы, доносил до нас букет роскошной кавказской флоры – и невольно мысли переносились в прошлое, былое невозвратное, навевая тихую безотчетную грусть... И настоящее, и будущее – все сливалось в призрачном фантастическом тумане...

Но вот пахнул прохладой ветерок, предвестник зари, и вершины снежного хребта облились пурпуровым светом. Все выше и ярче являлись лучи; наконец, величавый диск солнца с вершин гор заглянул в ущелья, и седые туманы их, переливаясь и отражая радужные цвета, зароились как змеи, принимая чудовищные формы.

С появлением дня, как муравейник закопошились горцы и, как комары перед погодой, поднялись и начали собираться в кучки. Более тридцати значков развевалось в воздухе. Вся масса заколыхалась, двинулась к Каладжипской переправе и покрыла долину, как саранча.

Выстроив по фасам поста людей готовых к бою, я взошел на главную батарею. Передав пост и последние распоряжения Бондаренко, я оставался на посту до конца переправы. Едва передовые горцы спустились к воде, как грянул постовой единорог и вслед за тем глухо отозвались пост Шалоховский и укрепление Зассовское.

Во все время переправы горцев, длившейся более двух часов, с математической точностью раздавался каждые пять минут выстрел. Но вот сборище, точно чудовищная змея, вися по окружающим отрогам Подольской горы, по левому ее откосу, миновало уже пост; главные массы наездников, столпившихся около зеленого значка Амин-Магомеда, поравнялись с батареей; однако ни один из джигитов не подъезжал близко, как бы пренебрегая незначительным постом. Признаюсь, не выдержала оказавшаяся моя натура этой оскорбительной невнимательности: приложив глаз к диоптру, подвинтив клин, я скомандовал... и навесно брошенная граната разорвалась над головой горцев, не ожидавших такого салюта. Перекувырнулось несколько всадников и коней, но сборище, не обращая внимания, продолжало двигаться вперед, спускаясь в долину Желгетских высот, тянувшихся в направлении к станице Вознесенской и к Урупу.

Намерение скопища начало выясняться. Опустился и поднялся за нами постовой мост. Перекрестились мои пластуны; объехав пост, справа, мы двинулись на рысях на высоты. Как горные козы, лепились мои пластуны над обрывами по извилистой тропинке. Справа, почти за отвесными обрывами, долиной двигалось сборище, по-видимому, не обращавшие на нас внимания. Вдруг оно круто повернуло вправо, прямо, в направлении к Урупу. В один миг птицей полетел пластун, рискуя, при каждом неверном шаге своего коня, свалиться в кручу, с донесением в отряд о принятом горцами направлении.

Так горцы прошли версты три или четыре; затем опять примкнули к высотам, приняв направление к станице Вознесенской. Таким образом, они меняли четыре раза свое направление, а между тем до станицы было менее десятка верст. После того оставалось ехать по высотам, огражденным недоступностью въезда, уже не более версты; далее уступы как бы расстилались и постепенно склонялись. Направление сборища ясно указывало на путь мимо станицы; иначе, горцам пришлось бы переправляться через реку Чамлык, текущую в крутых и топких берегах, и то через брод, выше станицы верстах в десяти. Нам же, троим, приходилось или вернуться назад, или проскользнуть вблизи скопища горцев, спустившись на левую сторону, и выиграть время, проскакав верст шесть или семь уже по открытой местности к Вознесенской. Я решил на последнее.

Долго и безотвязно гнались за нами несколько горцев; но, видно жалея коней для предстоящего или рассчитав незначительность поживы, бросили преследовать нас версты за четыре

до станицы. В это время грянул выстрел с батареи, заявивший нам, что сборище уже видно с вышки.

Застав начальника линии, только что поднявшегося из-за стола и шедшего на батарею посмотреть церемониальное шествие скопища горцев, и рассказав ему в нескольких словах о результате моей командировки, я, как голодный волк, принялся терзать остатка обеда, нимало не заботясь ни о скопище, ни о тех последствиях, какие ожидали нашу линию. Беспечность и привычка опять вступили в свои права.

Между тем, в зловещей тишине вся масса прошла мимо станицы, в порядке проследовала чамлыкский мост, не зажгла даже мельниц, и направилась прямо к бесленеевским аулам.

Наш отряд выступил из станицы вслед за скопищем, идя по следам его. Так отошли мы верст шесть или семь, как подполковник Л-ский спохватился, что рота его батальона кубанцев осталась забытой на станичном фесе, где была поставлена в ожидании нападения неприятеля. Обстоятельство это вынудило послать полторы сотни казаков за пехотой; между тем, отряд наш, дойдя до промежуточного поста, остановился в ожидании их, что и дало время Амин-Магомеду далеко опередить нас и занять свободно аулы.

Около полуночи к нам присоединились с Кубани четыре сотни ставропольской бригады с полковником Войцицким, а вскоре затем явились забытые кубанцы, сидя на крупах казачьих коней. Освещаемые заревом зажженных Амином аулов, мы подошли к реке Уруп, часу во втором ночи, и выстроились в боевом порядке, лицом к неприятелю, отделенные от него негустым лесом и рекой.

Начальник отряда, чтобы оповестить линию и указать, где находится неприятель и наш отряд, приказал, согласно уже прежде сделанных распоряжений, производить каждые пять минут выстрел. С этой целью я улегся между батарейным взводом с фонарем и часами: дрогнула окрестность, волны Урупа покатали перекатом тревожный сигнал... и не одна дрожащая спросонья рука казачки сотворила крестное знамение о дорогом существе, которого наутро, быть может, увидит убитым. Затормошились в аулах и ярче осветилась пожаром окрестность; глухой гул и скрип ароб раздавались в стороне неприятеля в противоположность царившей мертвой тишине нашего отряда. Грянул второй и третий выстрелы, сопровождаемые ответами смежных пунктов, и пронеслись по линии зловещей вестью...

Не замедлили явиться несколько мирных горцев из аулов, кто подсмотреть, что творится в отряде, кто порассказать о распоряжениях Амин-Магомеда и сборища, а кто и с искренним чувством преданности; но в нашем положении ни разбирать вранья, ни верить искренности не приходилось: нужно было держать ухо востро, и из всех вестей выбирать одно нужное и наиболее вероятное.

После шестого выстрела, сон начал одолевать меня до того, что, не надеясь на себя, я подозвал фейерверкера, передал ему часы и фонарь, и заснул мертвым сном...

На рассвете холодная струя воды из бутылки прямо на лицо, вылитая В-ым, пробудила меня, после того как не могли растолкать ничем. Пробуждение было далеко не сладостное...

Отряд уже был готов к движению... На противоположной стороне, по склону Урупских высот, тянулись арбы забранных аулов; густой дым вился над лесом, обозначая места пожара. Скопище, облитое первыми лучами солнца, игравшего на оружии, то съезжалось кучами, то, извиваясь лентой, следовало вверх по течению реки. Пейзаж боевой, кочевой, дикой жизни, с дивной местностью, так и просился на полотно художника; но нашему брату некогда было любоваться живой картиной. Отряд двинулся в параллель скопища, повидимому, не имевшего ни малейшего намерения вступать в бой. Так мы прошли версты три с ночлега и верст шесть или семь от станицы Урупской. В этом месте, лес, растущий по обеим сторонам реки Урупа, редее, открывая оба берега; со стороны, которая была занята неприятелем, тянутся значительные высоты сплошной цепью до Тегеней; с нашей же, более низменной, стороны, начинается круча, со старым татарским кладбищем, усеянным надгробными камнями и провалившимися

могилами. Едва поднялись сотни нашего авангарда под командой подполковника Генинга на высоту и миновали кладбище, как скопище, до сей поры шедшее, казалось, без воинственных целей, вдруг обнаружило сильное брожение: около значков, следовавших без порядка, стали строиться правильные колонны, и затем, быстро переправясь через Уруп, горцы бросились массой на едва успевшую занять кладбище 3-ю карабинерную роту и взвод пешей легкой батареи. Три сотни Генинга, повернув коней, примкнули к роте и образовали таким движением правый фланг позиции с конным взводом № 14-й батареи. Неприятель, стремительно налетевший с шашками, после сделанного на скаку залпа, был отброшен перекрестным картечным огнем и дружным залпом пехоты и казаков. Пороховой дым, как завесой закрыл горцев, а в это время остальные части отряда успели соколами взлететь на высоту и пристроиться к казакам Генинга. Следует заметить, что позиция наша на кладбище хотя и командовала местностью впереди, но замкнута была сзади крутой балкой, идущей от Урупа котловиной, и притом поросшей колючей березой и шиповником. Слева от Урупа, до высоты занятой карабинерами, местность пересеченная, покрытая кустами и редким лесом. Отряд наш, быстро занявший высоту, принужден был выстроиться в одну боевую линию, не имея другого резерва, кроме нескольких артельных и ротных повозок, оставшихся в балке. Как видите, положение отряда в тактическом отношении было далеко не блестящее; но храбрость и стойкость закаленных в боях войск и могучая воля общего нашего любимца Волкова, являвшегося всюду впереди, где была наибольшая опасность, одержала верх над бешеным наступлением горцев, с остервенением бросавшихся на штыки. Девять раз горцы отчаянно кидались на левый фланг, угрожая в то же время центру и правому флангу, и, невзирая на дружный картечный и ружейный огонь, врубались в ряды. По суворовски штык-молодец, приклад и шашка опрокидывали гололобых, устилавших трупами равнину перед кладбищем. Редели и наши ряды, но каждая удача давала новые силы: никто не уступил шагу занятой позиции. Так длился бой, начавшийся с пяти часов утра, до полудня. Озлобленные неудачей и огромной потерей, горцы вздумали переменить тактику и пустить в ход разбойничью хитрость, которая едва им не удалась. Быстро отступив в долину, расстилавшуюся перед нашей позицией, и выйдя из-под картечных выстрелов, они приняли направление к Урупу, как бы намереваясь переправиться обратно к арбам бесленеевцев, остановившимся верстах в трех выше нас, на противоположной стороне реки; затем вдруг повернули коней и, как ураган, промчались и бросились на донские сотни, составлявшие правое крыло боевой линии, вместе с батарейным взводом и ракетной командой, которая выдвинулась вперед на позицию шагов на 200 и бросала ракеты вслед уходившему неприятелю.

Все это последовало так быстро одно за другим, что донцы, не ожидавшие нападения, дрогнули и повернули коней... Прислуга одного ракетного станка была вся порублена горцами, и командир ее, brave сотник Кушнарев, едва с остальными ускакал; к счастью, бросившиеся в разрез ставропольцы, с полковником Войцицким, вовремя удержали натиск горцев, врубившись в середину атакующих; явившийся же, как грозный призрак, Волков, повернул донцов и сам повел их в атаку. Ободренные донцы смело ударили в пики, а дружный картечный огонь всей артиллерии завершил финальный акт кровавой сцены.

Не ожидавшие такого результата, горцы совершенно растерялись и пустились на уход врасыпную, преследуемые кавалерией до самого Урупа, так что сам Амин-Магомед едва спасся от плена, благодаря только быстроте и силе своего коня. Ошеломленные горцы не только бросали тела убитых и раненых товарищей, но оставляли спешенных, не пуская их не только сесть за седло, но и схватиться за стремя или за хвост коня. Они промчались, как испуганная стая сайгаков, мимо бесленеевских ароб, оставив их на произвол.

Преследовать бегущего неприятеля за Уруп одной кавалерией было немыслимо; ряды наши слишком уменьшились; во всей артиллерии не оставалось и десятка картечных зарядов; орудийные кони частью были подбиты, частью поранены, а численность уходившего скопища

была огромна. Легко могло случиться, что горцы, опомнившись, смяли и уничтожили бы преследующих, и тогда замысел их все-таки мог бы иметь успех.

Быстро сообразив все это, начальник линии, оставив пехоту и артиллерию на месте боя, со взводом № 14-й батареи и с казаками, двинулся к арбам, владельцы которых, видя бегство скопища, растерялись и столпились как стадо баранов, не помышляя ни о сопротивлении ни об уходе в горы; они молча ждали решения своей участи.

Полковник Волков приказал главному приставу мирных закубанцев, подполковнику Алкину, прибывшему с милицией уже в самом конце дела, отобрать вновь аманатов из лучших фамилий, бесленеевцев водворить на прежнем месте и зорко следить за ними до суда и расправы. Потянулись арбы, скрипя и покачиваясь с боку на бок, обратно.

Полные страха марушки (*Марушка – замужня женщина; кыс, кыска – девушка; баранчук – ребенок.*) и даже дети без малейшего шума и крика поплелись вслед за возами, а мы возвратились к отряду и занялись приведением в порядок артиллерии и оружия, посчитали убитых и раненых, уложили их на прибывшие из станицы Урупской подводы и отправили с пехотой, донцами и пешей артиллерией в станицу Вознесенскую. Между тем, глухо раздавались орудийные выстрелы на Тегенях, дававшие нам знать, что отряд князя Эристова встретил и провожает ошеломленное скопище.

Переночевав на берегу Урупа, близ места боя, облитого кровью павших товарищей и окруженного трупами горцев, мы, с рассветом, двинулись на Тегени, к отряду Эристова.

Часу в десятом утра, князь, сопровождаемый своим штабом, со всеми подобранными его отрядом значками, брошенными горцами, встретил нас и велел преклонить трофеи нашей победы, приветствовал Волкова словами: «хвала и честь вам Петр Аполлонович, хвала и честь вам, победителю на Урупе!» Дружески обнялись старые знакомые... Гордый победой, наш летучий отряд был радушно принят войсками начальника центра, который, видя бегущее и расстроенное скопище, ограничился одним артиллерийским огнем встретить и проводить его, вероятно придерживаясь пословицы «что лежачего не бьют»... Благодаря этому, горцы ушли восвояси только с тою потерей, какую понесли на Урупе...

Потеря наша была велика: из 1750 человек, бывших в бою, убито и ранено до 600; о лошадях и говорить нечего; неприятельских же тел, только на месте боя и брошенных во время бегства, насчитано более полутора тысяч. Поражение скопища Амин-Магомеда могло бы быть совершенное... ну да, что о том говорить...

По скромной и нехвастливой реляции, ваш достойнейший начальник линии, П. А. Волков, всемиловейше пожалован чином генерал-майора.

Рассказав правдиво, как очевидец, об успехах и о славном урупском бое, не могу не сохранить в моих записках имена доблестных воинов.

Капитан Примо, командир 3-й карабинерной роты Кубанского егерского полка, при первом бешеном натиске горцев раненый пулей в грудь навывлет, оставался во фронте до третьей атаки, во время которой схватил за повод коня налетевшего джигита, молодецким ударом пашки сбросил его на землю, но изнемогая от потери крови и последнего напряжения сил упал без чувств, крикнув: «будь проклят тот, кто отступит на шаг». И храбрые кубанцы исполнили в точности его завет. После продолжительного и тяжелого лечения, Примо, награжденный чином майора, долго еще украшал собой ряды бравых кубанцев

3-я карабинерная кубанская рота стойко выдержала небывалые стремительные и правильные атаки горцев, буквально врубавшихся в ряды не хуже любой регулярной конницы. После четвертого бешеного натиска, все ротные офицеры были тяжело ранены, и команду принял фельдфебель. Жалею, что забыл, фамилию этого молодца: он так работал штыком и прикладом, что любо-дорого было смотреть – и пал, как герой, имея более пятнадцати ран пашками по голове, плечам и обеим рукам. Рота переходила под команду от одного к другому

унтер-офицеру, и из числа вступивших в бой осталась в строю едва одна треть людей. Карабинеры награждены были двенадцатью знаками военного ордена св. Георгия.

Инженер-поручик Шатилов, состоя во все время сбора отряда при начальнике линии, умный и дельный офицер, заслужил общую любовь всех без исключения. Перед началом дела, он был в авангарде Генинга. Надо сказать, что Шатилов, атлетического сложения, ринулся в свалку и начал косить направо и налево, как Илья Муромец. Когда неприятель был отбит, он, будто колоссальный монумент, стоял перед отрядом, обагрённый неприятельской кровью, с поднятой шашкой в руке. Шатилов, при конце дела, когда заколебались пики донцов, готовых на утек, первый, вслед за Волковым, остановил их, гаркнув могучим голосом: «назад!». Шатилов за это дело произведен в штабс-капитаны.

Сотник Кушнарёв, донского № 26-го полка, крошка ростом, но не умом и храбростью, не говоря уже о толковом действии ракетами во время боя, перед последней атакой горцев на правый фланг, выскакал на позицию и едва успел бросить ракеты, как уже налетевшие горцы изрубили всех номеров одного станка; но он успел подхватить станок на коня и, невзирая на то, что горцы порубили шашкой круп его коня, погнавшись за ним, подскочил к донцам, поставил свою команду – и опять ракеты полетели в ряды неприятеля. За дело на Урупе Кушнарёв произведен в есаулы.

Сотник Безбородов, командир ставропольской линейной сотни, таким молодцом врубился во фланг атаковавшего донцов неприятеля, что прорезал своей сотней горцев и, пронесшись сквозь их ряды, быстро поворотил сотню и ударил с другого фланга, чем увлек и остальные сотни, которые, без лицепрятия сказать, дрались на Урупе один за десятерых. Безбородов получил орден св. Владимира 4-й степени.

Бомбардир Щеглов, № 14-й конной казачьей батареи, первый номер при единороге, посылая заряд в дуло, был сбит с ног грудью налетевшего коня горца; но, не выпуская банника из рук, как эластичный мяч, вскочил на ноги и с размаху ударил стаканом банника по голове джигита, положил его наповал и прехладнокровно продолжал свою работу около орудия. За урупское дело Щеглов произведен в урядники.

Доктор Савицкий, бригадный наш медик, первый еще раз перевязывал раны под выстрелами в нескольких десятках шагах от места схватки, так как перевязочный пункт был на половине склона кручи сзади нас находившейся балки. Работы ему было вдоволь. Пули свистали и жужжали кругом, а он, нимало не обращая на них внимания, весь углубился в богатую практику, так что, перевязывая голову раненого, удивился только тогда, как несчастный казак опрокинулся навзничь от пробившей его пули прямо в сердце. Савицкий был награжден орденом св. Анны.

Хорунжий Подрезов. После третьей горской атаки, я, Подрезов и три пластуна спустились с кручи к Урупу и так ловко приютились, закрытые кустами, близ выдающейся дорожки, что, до пятой атаки горцев, нам удалось ссадить не одного джигита и поймать до десятка коней, пронесившихся мимо нас без седоков. Эта пересадка крепко было заняла нас, да посланный отыскать меня казак разлучил нас. Что творил Подрезов и хлопцы там до встречи моей с ним во время преследования Амин-Магомеда – не знаю; но у молодцев была сложено у повозок порядочная кучка разного оружия и стояло десятка два оседланных горских коней. Когда бегство горцев сделалось общим и мы все бросились их преследовать, то Амин, со своим значком, улепетывал к Урупу, в сопровождении отчаянного жожака Пиюка Безрюкова, так знакомого нашей линии по непрерывным стычкам с его партиями. Я, с Подрезовым, столкнувшись и перекинувшись словом-другим, бросились за ними... Вот уже и аркан развил Подрезов, и лишь несколько скачков отделяли нас от эмира и Пиюка, как мой конь грянул наземь со всех ног, пораженный пулей, а Подрезов перекувырнулся через голову коня... Когда я вскакнул на ноги и подбежал к нему, считая его убитым, он тоже вскочил и с страшным гиком бросился пеший вперед... Но Амин и Пиук были уже на середине Урупа... Послали мы им свинцовую

погоню, да видно, счастливая их звезда еще высоко стояла, и нам впоследствии не один раз приходилось сталкиваться в бою с Пиюком. Потужили мы о неудаче нашей, да делать-то было нечего. Подрезов произведен был в сотники.

Много было, во время этого славного дела, дивных эпизодов; они сгладились временем, но не изгладился до смерти в памяти горцев, бывших в бою, *14-е мая 1851 года на реке Уруп.*

Глава X. СОТНИК ФИСЕНКО

Если отдается дань уважения героическим подвигам, совершенным линейцами в долгий период войны с горцами, то не менее мы должны почтить и память павших со славою товарищей в неравном бою, и хотя не одержавших победы, но не посрамивших русского оружия и славы казачества.

Еще до занятия Зеленчугской линии, начинавшейся от Кубани близ станицы Баталпашинской (5-й Хоперской бригады), к верховьям большого Зеленчуга, за Кубанью, были два поста: большой и малый Зеленчугские. Если и самая линия во время ее цветущего существования, до укрепления Надеждинского, была слишком слабым оплотом от вторжения за Кубань горцев, то два незначительных поста и вовсе не ограждали верховья Кубанской линии, а середина и конец ее не прикрывались еще тогда Лабинской линией, имевшей, в 1837 году, в проезд военного министра графа Чернышова, лишь несколько постов (*Орлов – пост, в 16 верстах от крепости Прочный Окоп, на реке Урупе; в 48-ми верстах – пост Вознесенский и в 50 верстах – пост Чамлыкский, оба на реке Чамлыке, и самый крайний, на реке Окарте, в 20 верстах от Вознесенского.*). Так слабо прикрытая Кубань, имела незначительные посты и редуты, а между ними и за ними были расположены станицы и селения. Пользуясь этим, горцы делали набеги не только мелкими партиями, но и в больших сборищах. То было время безнаказанности за грабежи и разбои, но, вместе, и их лебединой песни.

Быстрое и толковое занятие Лабинской линии, о котором я уже рассказывал в начале моих записок, и обращение казенных крестьян в казачье сословие положили предел хищничеству и послужили твердым краеугольным камнем к покорению правого фланга.

Этот небольшой пролог прольет свет на героический, но несчастный подвиг, совершенный, более чем за пятьдесят лет, полковым сотником Фисенко с храбрыми хоперцами.

Партия хищников, в числе от 30–40 всадников, перед закатом солнца, появилась и маячила за Кубанью. Начальник Промежуточного поста (*Промежуточный пост был в 12 верстах, близ Кубани, от станицы Баталпашинской.*), сотник Фисенко, завидев с вышки неприятеля, оставил на посту только необходимое число казаков-часовых, а сам, с полусотней, переправился за реку и быстро бросился преследовать горцев, не дав знать смежным пунктам. Эта отвага и погубила его.

Горцы, зная отчаянную храбрость и запальчивость Фисенко, с которым не раз приходилось им иметь схватки, придумали верное средство избавиться от него навсегда. Партия, то быстро уходя от него, то приостанавливаясь и как будто не решаясь на бой, снова уходила: такими маневрами она завлекала все далее и далее от Кубани разгорячившихся преследованием казаков. Казаки, уже не рассчитывавшие на помощь с линии, были уверены в своей силе и верной победе; но лишь только они поравнялись с Зеленчугскими высотами, ничего не замечая на пересеченной местности, покрытой кустами, высокой травой и камышом, как были отхвачены от Кубани огромным скопищем горцев, притаившихся в засаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.